

18+

Алексей Гридин

Тень
за спиной

Алексей Гридин

Тень за спиной

«Издательские решения»

Гридин А.

Тень за спиной / А. Гридин — «Издательские решения»,

Сбежать на Алтай, в этнографическую экспедицию? Променять неудачный роман с женатым профессором на возможность совершить сенсационное научное открытие? Отличный план. Особенно когда она никогда не ночевала в палатке, проводник — мрачный красавчик с ружьем, а местные легенды, обещавшие черных шаманов и подземных людоедов, оказываются реальностью. Пещера. Темнота. Погоня. Выживет ли она там, где погибли другие?

© Гридин А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. На свету	6
Глава 1. Беглянка	6
Глава 2. Другой мир	16
Глава 3. Знакомство	22
Глава 4. У костра	28
Глава 5. Ночные тени	37
Глава 6. Путешествие начинается	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тень за спиной

Алексей Гридин

© Алексей Гридин, 2026

ISBN 978-5-0069-6847-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любые совпадения с реально существующими людьми и местами случайны. Автор не уверен, что Москва, которая упоминается в романе — это та же самая Москва, что существует в нашем мире. И особенно автор не уверен, что Алтай, где происходят основные события — это тот самый Алтай, куда вы ездите отдыхать.

Часть 1. На свету

Глава 1. Беглянка

Рюкзак, огромный, цвета выцветшей армейской зелени, с кучей карманов и ввевшимся запахом костра, я купила прошлым летом на «Авито», собираясь в поход, который так и не состоялся. Тогда мне казалось, что это очень романтично — быть девушкой с большим походным рюкзаком. Сильной. Независимой. Готовой к приключениям.

Сейчас я запихивала в него свитера и думала: «Какое, на хрен, приключение? Я еду на Алтай на месяц. Добровольно. Потому что мужик оказался козлом».

Рюкзак лежал на полу посреди комнаты, разинув пасть как голодный зверь. Я сидела рядом на корточках в одних трусах и майке, босая — хорошо хоть, не беременная и не на кухне — и пыталась утрамбовать толстовку так, чтобы она занимала поменьше места. В Москве было +28, за окном орала чайки — мы жили рядом с Яузой, и эти твари драли глотки с утра до ночи, — а я запихивала в рюкзак шерстяные носки и термобелье. Абсурд.

Телефон завибрировал на полу.

Я глянула на экран. Мама.

— Арин, ты где? — голос у мамы был напряженный, тот самый, каким она разговаривала со мной после того, как в десятом классе меня привезли из клуба с сотрясением.

— Дома, — я зажала телефон плечом и продолжила пихать носки. — Вещи собираю.

— Какие вещи? Ты куда?

— На Алтай, мам. Я же тебе говорила. В экспедицию.

Пауза. Я почти видела, как она стоит у окна на кухне, сжимая трубку, и смотрит на соседний дом.

— С ума сошла? Какая экспедиция? Ты только-только экзамены сдала!

— Вот именно, мам. Сдала. Сессия закрыта. Я свободна как птица.

— Арина.

— Мам.

— Это из-за Виктора?

Я замерла. Носок, который я запихивала в рюкзак, выпал и распластался по полу.

— Мам, Виктор — мой преподаватель. Между нами ничего нет.

— Ариш, я твоя мама. Я вижу, когда у тебя кто-то есть. Или что-то случилось.

— Никого у меня нет. Ничего со мной не случилось, — я со злостью впихнула носок обратно. — И не было. И не будет. Я еду за новыми впечатлениями. За этнографией. За шаманами и этими... как их... петроглифами. Развивать журналистские навыки.

— За кем? За чем?!

— За шаманами, мам. Буду камлать, бубен куплю — духов вызывать. А петроглифы — это...

— Арина!

— Все, мамуль, я люблю тебя, прости, у меня тут рюкзак не закрывается, целую.

Я сбросила вызов и отшвырнула телефон на кровать.

Врать матери — последнее дело. Но говорить правду было еще хуже. Что я скажу? «Мам, я полгода трахалась с мужиком, который читал нам историю журналистики, он обещал уйти от жены, а вчера я застучала его в преподавательской с этой дурой Ленкой с третьего курса, и теперь мне хочется провалиться сквозь землю, поэтому я уезжаю за тысячу километров, чтобы не видеть его рожу?»

Нет уж. Спасибо.

Я встала, подошла к зеркалу. На меня смотрела невысокая и худая черноглазая девушка со спутанными темными волосами. Не сказать, что красивая. Не сказать, что некрасивая. Волосы надо было бы расчесать, но руки не поднимались. Девятнадцать лет. Первый курс. Любовь всей жизни? Как же.

То, что случилось несколько дней назад, прокручивалось в голове на повторе, как заезженная пластинка. Я пришла в университет за справкой, что у меня нет академической задолженности — в общежитии потребовали. Декан уехал на конференцию, секретарша сказала ждать. Я села в коридоре на подоконник, листала ленту в телефоне. И тут дверь преподавательской приоткрылась.

Я даже не сразу поняла, что это он. Увидела только край пиджака — тот самый, серый в тонкую полоску, который я помнила на ощупь. И руку. Его руку, которая гладила чью-то спину. И даже немного пониже спины.

А потом дверь открылась шире, и я увидела Ленку. Она выходила первой, поправляя блузку, и улыбалась. Улыбалась так, как я сама улыбалась полгода назад, когда все только начиналось.

Ну, буду честной сама с собой — сиськи у нее больше моих. Но неужели только поэтому?!

Я не помню, как встала с подоконника. Не помню, как подошла. Помню только, что дверь была тяжелая, и когда я ее толкнула, она ударилась о стену с грохотом, от которого, наверное, во всех соседних кабинетах книги с полок попадали.

Он стоял у стола. Стоял и смотрел на меня. Спокойно. Даже не вздрогнул.

— Арина, — сказал он. — Ты чего?

Я тогда не нашлась что ответить. Просто стояла и смотрела на него. На этого человека, которому я верила. Который говорил мне, что я особенная. Что у него с женой давно ничего нет. Что он ждет только подходящего момента.

Ленка, дура, еще спросила: «Ой, а мы знакомы?»

Я развернулась и ушла.

Он звонил вечером раз двадцать. Я сбрасывала. Потом написал: «Давай поговорим. Ты все неправильно поняла».

И я поверила. Снова. На пять минут. А потом вспомнила его ладонь на спине девушки, как эта ладонь по-хозяйски опускалась ниже, и то, как он на меня смотрел. Спокойно. Без тени вины.

Вот тогда я и написала Тимофею: «Я еду. Место еще свободно?»

Тимофей ответил через минуту: «Конечно! Палатку и спальник предоставлю, билеты покупаешь сама. Встречаемся 3 июля в аэропорту Горно-Алтайска. Я тебя встречу. Не опаздывай:)).»

Этот смайлик... Ну, типа, я безмозглая юная блондинка, и обязательно опоздаю, если мне не напомнят, что опаздывать нельзя? Кстати, волосы у меня темные.

«Не опоздаю», — написала я.

И вот теперь сидела на полу среди разбросанных вещей и пыталась понять, как из всей этой кучи свитеров, джинсов, термобелья и дурацких носков с мультяшными картинками собрать один рюкзак так, чтобы он хотя бы застегивался.

Телефон снова завибрировал.

Я глянула — Катька.

— О, привет, — сказала я как можно более бодрым голосом.

— Ты где? — Катька говорила быстро, как всегда, когда чем-то взволнована. — Я к тебе зайти хотела, а ты трубку не берешь.

— Дома. Собираюсь.

— Слышала я про твои сборы. Ты правда едешь?

Отправиться в экспедицию предложил декан. Сказал, что зачет как практику. Мол, хороший знакомый его хороших знакомых ищет человека, способного вести дневник экспедиции. Помню, мне тогда польстило, что пожилой дядька с ученой степенью считает меня способной вести этот самый дневник. Но не была уверена, что хочу куда-то ехать, и уточнила, могу ли подумать. К счастью, мне дали время на размышление.

— Правда.

— Аришка, ты дура? Там медведи. Там тайга. Ты в походе-то была хоть раз?

— В Подмоскovie, на пару дней. Палатки ставили. Считается?

— Господи, — Катька выдохнула так, будто я сказала, что собралась на Марс пешком.

— Слушай, может, не надо? Ну его, этого козла. Перебесишься, найдешь себе нормального.

— Кать, я не из-за него.

— А из-за кого?

Я промолчала. Катька знала про Виктора все. Знала и молчала, потому что я просила. Она единственная, кому я рассказала, и она, в отличие от матери, не лезла с советами, а просто была рядом.

— Из-за себя, — сказала я наконец. — Я устала. Понимаешь? Устала ждать. Устала думать. Хочу, чтобы вокруг было что-то другое. Не эти стены, не этот универ, не его рожа.

— А если там правда опасно?

— Значит, будет что вспомнить. И вообще... Ну ты смеешься, что ли? Там каждый год толпы туристов. Мы почти теми же тропами пойдем, только немножко свернем в сторонку.

Катька вздохнула. Мол, знаем мы, чем заканчивается истории про людей, которым нужно было всего лишь свернуть в сторонку.

— Ладно. Чем тебе помочь? Спички взяла? Топор?

— С топором в самолет не пустят, — усмехнулась я.

— А жаль. С твоим везением тебе топор пригодится.

Мы посмеялись. Катька умела разряжать обстановку. Она была единственным человеком, с которым я могла быть собой — не той Ариной, которая строила из себя взрослую женщину, способную заарканить профессора, а просто девчонкой, которая может не только вести дневник экспедиции, но и откровенно тупить, бояться и не знать, что делать дальше.

— Ладно, — сказала Катька. — Через час приеду. С пирожками. Будешь пирожки?

— Буду.

— Тогда жди.

Она отключилась.

Я посмотрела на рюкзак. Толстовка, которую я пыталась утрамбовать, торчала из-под клапана как язык. Я дернула ее, вытащила, свернула по-другому и сунула обратно. Закрылось.

Почти.

На кровати осталась лежать фотография. Старая, еще с выпускного. Мы с классом, дурацкие костюмы, надувные шары. Я стою в центре, улыбаюсь во все тридцать два, и рядом никого, кто положил бы руку мне на плечо. Тогда это казалось нормальным. Я была одна, но мне нравилось. Я думала, что сильные женщины не нуждаются в мужчинах. Что карьера, самореализация, свобода — вот что главное.

А потом появился Виктор. Сорок пять лет, седые виски, умные глаза. Он читал лекцию о Достоевском как журналисте, а я смотрела на его руки и думала: «Интересно, что чувствуешь, когда они касаются твоего тела?»

Глупая. Наивная. Десять лет.

Я взяла фотографию, посмотрела на себя. Длинное платье в пол, замороженная прическа, которую мы с Катькой сооружали три часа. Глаза блестят. Я тогда еще не знала, что через год буду сидеть на полу в трусах, майке, босиком и собирать рюкзак, чтобы сбежать от этого взгляда.

— Прощай, дурочка, — сказала я вслух и сунула фотографию в боковой карман рюкзака. Зачем я это сделала, я и сама не поняла. Может, чтобы помнить. А может, чтобы через месяц, когда вернусь, посмотреть и сказать: «Ну вот, я это сделала. Я уехала. Я выжила. Я вернулась. Теперь я другая».

Телефон снова зазвонил.

Я глянула на экран и похолодела.

Виктор.

Трубка вибрировала в руке, и я смотрела на буквы «В. С.» и не могла нажать ни «ответить», ни «сбросить». Я просто смотрела, как бегут секунды, как экран гаснет и загорается снова. Пятый звонок за утро.

В какой-то момент я нажала «ответить».

— Арина, — его голос. Низкий, спокойный. Тот самый, от которого у меня внутри все переворачивалось. И теплело. И бабочки. — Ну наконец-то.

Я молчала.

— Ты где? Я приехать хочу. Нам надо поговорить.

— Не надо.

— Арин, ты не так поняла. Это не то, что ты подумала.

— Я видела.

— Ты видела, как Лена выходила из преподавательской. Она приносила курсовую. Мы разговаривали.

— Она блузку поправляла. Когда просто разговаривают, не нужно поправлять блузку так...

— Как?

— Как будто под ней кто-то хозяйничал ладонями.

Я снова вспомнила руки Виктора. Теплые. Настойчивые. Умелые. Что только он не творил ими, заставляя меня задыхаться, выгибаться, рваться ему навстречу.

Пауза.

— Арин, не будь ребенком. Ты же умная девочка.

Я закрыла глаза. Умная девочка. Как же я ненавидела эти слова. Умная девочка, которая все понимает. Которая не будет скандалить. Которая подождет, пока взрослые люди разберутся со своими по-настоящему серьезными проблемами.

— Я уезжаю.

— Куда?

— На Алтай. Надолго.

— Арин, прекрати. Давай встретимся, я все объясню.

— Не надо ничего объяснять. Я все поняла уже давно, просто верить не хотела.

— Что ты поняла?

Я открыла глаза и посмотрела в окно. Чайки орала как резаные. Солнце светило в глаза.

— Я поняла, что ты никогда не уйдешь от нее. И что для тебя я просто — как это по-твоему называется? — отдушина? Молодая дурочка, которая поднимает тебе самооценку? Очередная молодая дурочка...

— Арина!

— Спасибо. На самом деле, спасибо. Вот честно. За науку. За то, что показал мне, какие бывают мужчины. Я это запомню.

Я нажала «отбой» и выключила телефон.

Руки тряслись.

Я села на пол, обхватила колени руками и уткнулась в них лбом. Глупая. Какая же я глупая. Девятнадцать лет, а веду себя как школьница. Влюбилась в мужика, который старше отца. Ждала, что он бросит жену. Строила планы.

Катка говорила: «Аришка, он тебя использует». Я отмахивалась. Я думала, что она просто завидует. Что у нее нет такого мужчины.

Теперь и у меня его нет. Зато есть опыт.

Я подняла голову. Рюкзак стоял на полу, набитый до отказа. Сверху я пристроила спальник — огромный синий кокон, который мне передали знакомые Тимофея. «Не промокает, выдерживает до минус десяти», — написал он в сообщении.

До минус десяти. В июле. Господи, куда я еду?

Я встала, подошла к окну. Москва шумела внизу — машины, люди, вечная суета. Напротив, через дорогу, в окне дома я видела женщину, которая мыла посуду. Обычная жизнь. Обычные люди.

А я через несколько часов буду в самолете. А потом — по другую сторону Урала. На Алтае.

Странное чувство — когда ты сбегашь, но при этом тебе кажется, что ты делаешь что-то правильное. Что этот побег — не слабость, а сила. Что ты не прячешься, а идешь навстречу чему-то новому.

Может, это просто самообман. Может, я трусиха, которая не может посмотреть в глаза проблемам. А может, я просто устала быть сильной и хочу, чтобы кто-то другой отвечал за мою жизнь.

Только вот на Алтае не будет других. Буду только я.

И это, наверное, самое страшное.

В дверь позвонили.

Я пошла открывать. На пороге стояла Катка — запыхавшаяся, покрасневшая, с пакетом в руках. Рыжий веснушчатый вихрь. Сгусток энергии.

— Пирожки, — сказала она, протягивая пакет. — С капустой. И с мясом.

Я взяла пакет, вдохнула запах свежей выпечки.

— Кать, ты чудо.

— Знаю, — она скинула туфли, быстро прошагала в комнату, оглядела рюкзак. — Ничего себе. Ты все это на плечах будешь таскать?

— Придется.

— Слушай, — Катка вдруг стала серьезной. — Я погуглила этот Алтай. Там правда дикие места. Медведи, змеи. И люди странные.

— Кать, не пугай.

— Я не пугаю, я предупреждаю. Там хоть этот, как его... Тимофей... он нормальный?

— Аспирант с кафедры этнографии. Фанатик науки. Мы пару раз в курилке разговаривали.

— А остальные?

— Понятия не имею. Какая-то пара из Новосибирска. Проводник местный.

— Мужик?

— Ну да. Наверное. Раз он проводник, а не проводница.

Катка посмотрела на меня с подозрением.

— Аришка, только не говори, что ты едешь то ли в тайгу, то ли в горы с незнакомым парнем, чтобы забыть старого.

— Кать, я еду то ли в тайгу, то ли в горы, чтобы посмотреть на петроглифы.

— Ну-ну. Ты вообще знаешь, что это такое?

— В общих чертах. — призналась я.

Она подошла, обняла меня. Крепко, по-настоящему.

— Только вернись, ладно? — шепнула она мне в ухо. — Я без тебя тут с ума сойду.

— Вернусь, — сказала я. — Куда я денусь.

Мы учились вместе. Дружим чуть ли не с первого класса. Не помню точно, но что-то в этом роде. Нам друг без друга — никак.

— В тайге, наверно, много куда можно деться, — буркнула Катька, и в голосе ее слышалась тревога.

Мы сидели на кухне, пили чай с пирожками, и Катька пыталась шутить, но у нее плохо получалось. Она то и дело замолкала и смотрела на меня так, будто видит в последний раз.

— Хватит меня хоронить, — сказала я. — Я максимум на месяц, не на год.

— Месяц в тайге — это как год в тюрьме, — философски заметила Катька. — Там время по-другому течет. Говорят.

— Кто говорит?

— Люди говорят. В интернете пишут.

Я усмехнулась.

— Кать, интернет — не самый надежный источник.

— А ты знаешь, какой самый надежный? Ты, которая влюбилась в препода и поверила, что ради тебя он уйдет из семьи?

Я промолчала. Катька умела бить больно, но по делу.

— Ладно, — она вздохнула. — Давай лучше я тебе расскажу, чего я про этот Алтай начиталась.

— Давай.

— Короче. Там есть места, которые местные обходят стороной. Говорят, там духи живут. Не добрые. Если человек попадает в такое место, он может не вернуться. Никаких холмов, под которыми сто лет танцуешь с эльфами, а потом возвращаешься такая же молодая, как была.

— Легенды. Страшилки.

— Ага. И еще там водятся всякие... ну, не знаю. Люди пропадают. Туристы. Идут в горы — и всё. Потом находят их через год, а они лежат в позе спящих и улыбаются. Или вообще не находят.

— Кать, ты мне сейчас Лавкрафта пересказываешь?

— Нет, я серьезно. Почитай форумы. Там такие истории пишут...

Она понизила голос.

— Про черных охотников. Про людей, которые живут под землей — тех, кто ждет под горами. Про то, как они выходят по ночам и забирают тех, кто забрел слишком далеко.

Я допила чай и поставила кружку на стол.

— Кать, если ты хочешь меня напугать, у тебя не очень хорошо получается. Это Алтай, а не край Земли. Говорила же — там толпы туристов. Там тропы нахоженные.

— Ну да, — хмыкнула подруга. — Одни нахоженные, другие — нехоженые. Я не хочу напугать, Аришка. Я хочу, чтобы ты была осторожна. Чтобы не лезла куда не надо. Чтобы ночью из палатки не выходила одна.

— Кать, я там буду с группой.

— Группа группой, а медведь — медведем. И духи — духами.

Я посмотрела на нее. Катька была бледная, глаза бегали. Ей действительно было страшно. За меня.

— Кать, все будет хорошо. Обещаю.

— Ты не можешь обещать.

— Могу. Я сильная. Я справлюсь.

Катька хмыкнула, но спорить не стала. Спросила только, смогу ли я позвонить, если что. Я вспомнила, что, по словам Тимофея, у него будет спутниковый телефон. Как раз на случай всяких непредвиденных ситуаций. Но лучше, конечно, если таких ситуаций не будет.

Через час мы стояли у подъезда. Рюкзак тянул назад, лямки впивались в плечи. Катька обняла меня на прощание, сунула в карман куртки какой-то маленький сверток.

— Это оберег, — сказала она. — Мне бабка давала. Но я тебе отдам. Пусть с тобой будет.

— Кать, спасибо. Меня с ним в самолет-то пустят?

— Пустят, пустят. Ладно, вали уже. А то опоздаешь на свой Алтай.

Я поймала такси — старенькую «Ладу» с водителем, который курил прямо в салоне.

— В Шереметьево, — сказала я, загружаясь на заднее сиденье.

— Дорого, — предупредил водитель.

— Я понимаю.

Машина тронулась. Я обернулась. Мой дом — девятиэтажка, облезлая, с граффити на стене — уплывал назад. Катька все еще махала.

Я отвернулась и уставилась в другое окно. Москва текла мимо: пробки, переходы, люди с сумками, бабушки с тележками. Я знала здесь каждый угол, каждую улицу. И вдруг поняла, что ни черта я не знаю. Есть другой мир — за МКАДом, за Уралом. Мир, где вместо асфальта — трава и камни, а вместо офисов — горы.

Странно. Я родилась и выросла в этом городе, но никогда не чувствовала себя здесь дома. Всегда казалось, что я не на месте. Что где-то есть что-то другое, правильное, мое.

Может, это оно и есть?

Водитель докурил, открыл окно, выпустил дым.

— Надолго летишь? — спросил он, глядя в зеркало заднего вида.

— На месяц.

На самом деле, немного меньше, но проще сказать так.

— Ого. По работе?

— Вроде того.

— А что там делать?

Я задумалась. Чего я там буду делать? Петроглифы смотреть. Легенды слушать. Вести дневник экспедиции. От себя бежать.

— Точно не отдыхать, — сказала я.

Водитель хмыкнул.

— Твое дело, конечно. Но в Москве сейчас хорошо. Тепло.

— В Москве душно.

— Не поспоришь, — согласился он. — Город-то каменный. Нагревается как печка.

Мы замолчали. Я смотрела в окно и думала о том, что оставляю. О Викторе. О маме. О Катьке. О том, что через месяц все будет по-другому. Я буду другим человеком. Или не буду и все останется прежним.

И вдруг меня кольнуло странное чувство. Предчувствие. Оно пришло ниоткуда — просто холодок побежал по спине, хотя в машине было жарко.

Я подумала: «А что, если я не вернусь?»

Глупость, конечно. Медведи, змеи, духи, черные люди, о которых рассказывала Катька — глупость. Люди каждый день летают на Алтай и возвращаются. Там туризм, там гостиницы, там города, курорты и тропы, по которым годами и десятилетиями кто-нибудь ходит. Ничего страшного.

Но холодок не уходил. Он сидел где-то внутри, в позвоночнике, и напоминал о себе.

Я заставила себя думать о другом. О том, как через несколько часов сяду в самолет. Как буду смотреть в иллюминатор на облака. Как встречу Тимофея в аэропорту.

Ладно, Арина. Не дрейфь, прорвемся. Раньше же как-то прорывались. Впрочем, если честно, бывало всякое. Но сейчас лучше думать о победах, настраивать себя на позитив.

Я достала телефон, включила. Сообщений не было. Только уведомление от приложения с погодой: «Горно-Алтайск, +22, переменная облачность».

Переменная облачность. Звучит безобидно.

Я набрала Тимофея:

«Скоро вылетаю. Буду в 16:20 по местному».

Ответ пришел через минуту:

«Понял. Встречу тебя».

Убрала телефон в карман и снова уставилась в окно. Москва кончилась, потянулись спальные районы, потом поля, потом лес. Шоссе уходило вдаль, и мне казалось, что я еду не в аэропорт, а прямо туда, в эту зелень, где нет ни домов, ни людей.

Ага, и ни медведей, ни змей, ни духов. Хорошо бы.

Водитель включил радио. Там играла какая-то попса, беззаботная и глупая. Я слушала и думала о том, что через несколько часов буду в другом мире. Где нет радио. Где нет пробок. Где нет Виктора.

И от этой мысли стало легче.

Но холодок в позвоночнике остался. Он никуда не делся. Он просто ждал.

— Приехали, — сказал водитель, останавливаясь у терминала. — С тебя тысяча двести.

Я расплатилась, вылезла из машины. Рюкзак снова впился в плечи. Вокруг сновали люди — с чемоданами, с детьми, с цветами. Кто-то улетал, кто-то встречал. Обычная аэропортовая суета.

Я вошла в здание.

Терминал был забит людьми. Лето, отпуска, дети, чемоданы. Я лавировала между семьями с колясками и группами китайских туристов, волоча за собой рюкзак, который цеплялся за всех подряд.

В очереди на регистрацию я достала телефон и написала маме: «Я в аэропорту, все хорошо». Она не ответила — наверное, обиделась.

Потом написала Катьке: «Скоро улечу. Целую».

Катька ответила сразу: «Возвращайся. Я буду ждать».

Я убрала телефон. Подошла моя очередь.

— Документы, — сказала девушка за стойкой.

Я протянула паспорт. Она проверила меня по компьютеру, выдала посадочный.

— Ручная кладь?

— Нет. Только вот этот рюкзак в багаж.

— Поставьте на ленту.

Я закинула рюкзак на ленту. Восемь килограммов.

— Нормально, проходите.

Конечно, нормально. Сейчас. Сколько-то дней придется идти пешком, еду и что-то еще понесем на себе. Так что рюкзаку предстоит потяжелеть.

Что-то фыркнуло, заурчало, черная лента поехала, увозя с собой мой рюкзак. А я пошла на посадку.

Мне досталось место у окна. Рядом никого — повезло. Я смотрела, как загружаются люди, как суетятся стюардессы, как закрывают дверь.

Взлетели.

Москва ушла вниз — квадратики домов, ниточки дорог, серебристые росчерки рек. Потом облака. Потом белая пустота.

Я закрыла глаза.

И вдруг снова — холодок. Сильнее, чем в машине. Такой, что мурашки побежали по рукам.

Я открыла глаза и посмотрела в иллюминатор. Там было только небо и солнце.

Ничего страшного.

Но предчувствие не уходило. Оно сидело внутри, свернувшись клубком, и ждало.

Чего?

Я не знала.

Я просто летела навстречу горам. Навстречу ветру. Навстречу тому, что изменит меня навсегда.

Я еще не знала, что это будет не просто экспедиция. Что это будет битва. За себя. За жизнь. За то, чтобы вернуться.

Но пока я просто смотрела в иллюминатор и слушала, как гудит турбина.

Самолет набирал высоту.

Алтай ждал.

Самолет набирал высоту, и Москва не только уходила вниз, но и оставалась в прошлом, как будто ее и не было. Сначала еще можно было разглядеть отдельные дома, штрихи дорог, блестящие крыши торговых центров. Потом все смазалось, спряталось за облаками, и осталось только небо — бесконечное, ярко-синее, чужое.

Я откинулась в кресле и закрыла глаза.

Можно было вытянуть ноги, положить голову на сложенную куртку и попытаться не думать. О Викторе. О том, что я оставила. О том, что ждет впереди.

Не получалось.

Я сунула руку в карман куртки и нащупала там сверток, который сунула Катька. Маленький, в старой пожелтевшей ткани, перевязанный шерстяной ниткой. Я развернула.

Внутри лежал оберег — маленькая деревянная фигурка, грубо вырезанная, с едва намеченными чертами лица. Глаза — две точки, рот — черточка. На груди — крест, но не привычный православный, а какой-то другой, с расширяющимися концами.

Я повертела фигурку в руках. Теплая от того, что лежала в кармане, гладкая, старая. Катькина бабка, царствие ей небесное, была из каких-то старообрядцев, жила под Тверью и вечно таскала внучке всякие странные штуки. Катька смеялась над ними, но хранила. Наверно, одну из этих штук она теперь и отдала мне.

— Спасибо, Кать, — шепнула я, сжимая фигурку в кулаке.

На душе стало чуть спокойнее. Или показалось.

Я сунула оберег обратно в карман и посмотрела в иллюминатор. Внизу снова была земля. Но уже не Москва. Леса, поля, реки — все зеленое, бескрайнее, безлюдное. Где-то там, за горизонтом, уже начиналась тайга.

Странное чувство — смотреть на землю с высоты. Будто ты бог, которому видно все сразу. Реки текут по своим делам, леса стоят тысячу лет, и люди внизу такие маленькие, что их и не разглядеть.

А может, их там и нет на самом деле. Может, там только звери и птицы, и ветер, и тишина.

Я зевнула. Глаза слипались — ночь перед отъездом я почти не спала. Все ворочалась, думала, прокручивала в голове разговор с Виктором.

— Будильник на 15:30, — сказала я сама себе и провалилась в сон.

Я бежала по лесу. Босиком. По чему-то острому — камни, сухая трава, колючки. Ноги болели, но я не могла остановиться. Потому что за мной кто-то гнался.

Я не видела его. Только чувствовала — там, сзади, за спиной, тяжелое дыхание, почти звериное. Оно приближалось.

Я бежала быстрее, задыхаясь, чувствуя, как колющая боль разрывает бок. Ветки хлестали по лицу, рвали... Я посмотрела вниз и поняла, что одежды на мне нет. Вообще нет. Тело голое, исцарапанное, в грязи.

Лес кончился. Я выскочила на поляну и замерла.

Передо мной была гора. Черная, каменная, с огромной дырой посередине — пещерой, из которой тянуло холодом и запахом сырой земли. И в этой дыре кто-то стоял.

Тень. Человек? Зверь? Не разобрать. Но глаза горели желтым огнем. Или нет... Только один глаз. Почему?

— Иди ко мне, — сказала тень голосом, от которого у меня внутри все оборвалось. Голос был низкий, вибрирующий, и в нем слышалось что-то... знакомое? Виктор? Нет, не он. Кто-то другой. Чужой и одновременно близкий.

Я попятилась.

Сзади снова зашуршало — тот, кто гнался, был уже совсем рядом.

Я закричала.

И проснулась.

В салоне было тихо. Стюардесса катила тележку с напитками, пассажиры дремали, кто-то читал книгу. Солнце светило в иллюминатор.

Похоже, кричала я во сне, а не наяву. Уфф..

Я выдохнула. Сердце колотилось как бешеное.

— Воды, — попросила я у стюардессы. — Пожалуйста.

Она протянула стакан. Я выпила залпом. Руки дрожали.

Сон. Всего лишь сон.

Но ощущение бега босиком по острым камням осталось. И запах сырой земли из той пещеры. И голос.

Я потрясла головой, прогоняя наваждение, и снова посмотрела в иллюминатор.

И замерла.

Земля изменилась.

Зеленые леса, которые я видела перед сном, остались где-то позади. Теперь под крылом самолета были горы. Настоящие горы — с острыми пиками, с белыми шапками снега на вершинах, с темными ущельями, в которых, наверное, никогда не бывает солнца.

Я прижалась лицом к стеклу.

Красиво. Страшно красиво. Так, что дух захватывает.

Горы тянулись до горизонта, одна за другой, и казалось, что самолет летит над ними бесконечно. Где-то внизу блестела река — тонкая нитка, извивающаяся между скал.

Я подумала: «Там, внизу, есть люди? Или только звери?»

И снова вспомнился сон. Бег. Лес. Погоня. Пещера.

— Дура, — сказала я себе. — Перестань. Это просто сон. Ты просто перенервничала.

Я достала оберег из кармана, снова сжала его в кулаке. Дерево чуть нагрелось от моей руки, и мне показалось, что стало спокойнее.

— Спасибо, Катька, — повторила я.

Самолет пошел на снижение.

Глава 2. Другой мир

Аэропорт Горно-Алтайска оказался именно таким, как я и представляла — маленьким, провинциальным и очень душевным.

Когда я вышла из самолета по трапу, первое, что ударило в лицо — воздух. Он был совсем другим, не московским. Густой, плотный, пахнувший травами так сильно, что кружилась голова. Разнотравье — это слово я знала только из книжек, но теперь поняла, что это значит. Пахло мятой, полынью, еще чем-то сладким и терпким одновременно. Все это хорошо чувствовалось, несмотря на то, что я была в городе. Прорывалось, через обязательные городские запахи бензина и щедро нагретого солнцем асфальта.

И духота. Не московская духота, когда воздух стоит стеной и нечем дышать, а другая — влажная, тяжелая, как перед грозой.

Я спустилась по трапу и огляделась. Вокруг — горы. Они были везде. Зеленые, поросшие лесом, они обступали аэропорт со всех сторон, и казалось, что самолет сел прямо в чашу, окруженную этими великанами.

— Ничего себе, — сказала я вслух.

Рядом прошел мужик с рюкзаком, похожим на мой, глянул на меня, усмехнулся.

— Первый раз?

— Первый.

— Привыкнешь. Красота здесь.

Я пошла к зданию аэропорта. Оно было маленькое, двухэтажное, с вывеской «Аэропорт Горно-Алтайск» и кучей пристроек. Похоже на автовокзал в каком-нибудь подмосковном городке — такие же обшарпанные стены, такие же скамейки у входа, такие же люди с сумками. Или на старый научно-исследовательский институт, в котором ничего уже не исследуют, нет никакой науки, и вообще тут давно открыли посредственный супермаркет.

Но люди были другие.

Здесь не было московской суеты, этих вечно спешащих куда-то лиц. Здесь все двигались медленно, будто у них было бесконечно много времени. Мужики в кепках, бабки в платках, парни в спортивных костюмах.

И таксисты.

Они появились сразу, как только я вошла в здание. Трое или четверо, все разом бросились ко мне.

— Девушка, такси? Недорого!

— В город? Куда едем?

— Я отвезу, дешево!

Я отмахнулась.

— Спасибо, меня встречают.

— А кто встречает? Может, обманут? Давай я отвезу, надежно! У меня кондиционер!

— Спасибо, не надо.

Я пробиралась сквозь них к выходу в город, высматривая Тимофея. Таксисты не отставали, пока один из них не глянул в сторону и не сказал:

— Вон твой, с палаткой.

Я обернулась.

Тимофей стоял у колонны. У его ног действительно лежала синяя палатка в чехле, а другой рукой он махал табличкой, на которой было написано «АРИНА» и пририсован смайлик.

Сам Тимофей был... ну, такой. Лет двадцати пяти, в очках с толстыми линзами, с жиденькой рыжеватой бородкой, в дурацкой панаме и футболке с надписью SAS — наверное, думал, что это круто. Сразу видно — аспирант, готовый прорваться в следующую лигу, то есть, защи-

тить диссер и стать кандидатом каких-нибудь наук. А вот в британскую Special Air Service его вряд ли взяли бы. Непохож на спецназовца.

— Арина! — заорал он, увидев меня, и его лицо расплылось в счастливой улыбке. — Арина, я здесь!

Он подбежал ко мне, чуть не споткнувшись о палатку.

— Привет! Привет! Как долетела? Как самочувствие? Ты есть хочешь? Мы сейчас сразу на базу, но поедим по дороге, хорошо?

— Тимофей, — перебила я. — Дыши.

Он засмеялся.

— Да, прости. Я волнуюсь. Первая экспедиция, все-таки. Настоящая.

— А я думала, у тебя уже были экспедиции.

— Были, но... — он поболтал рукой в воздухе, показывая, что раньше все было не так серьезно. — Там я не был главным. А тут — моя собственная экспедиция! И настоящие петроглифы! Никем не исследованные! Понимаешь?

Он говорил и говорил, и я поймала себя на мысли, что слушаю вполуха. Слишком много впечатлений за один раз. Горы, воздух, этот аэропорт, Тимофей с его восторгом.

— ...и дневники! Ты не представляешь, какие у меня дневники! Старый этнограф, он в семидесятых здесь ходил, записывал все, зарисовывал, а потом его экспедиция пропала...

— Что значит «пропала»? — перебила я.

Тимофей замаялся.

— Ну, не то чтобы пропала. Просто... не вернулась часть группы. Двое ушли в горы, больше их никто не видел. Мужчина и женщина. И дневники тоже пропали, а потом их нашли, через год, в заброшенном зимовье. Странная история. Но для науки — золото!

Я почему-то вспомнила свой сон. Погоню. Пещеру. Тень. И медведей с духами и черными людьми из рассказов Катьки.

— Ладно, — сказала я. — Поехали уже.

Мы вышли из аэропорта. Тимофей тащил мою палатку, я — свой рюкзак. На стоянке нас ждала старенькая «буханка» — УАЗик с брезентовым верхом, весь в грязи, но на вид крепкий.

— Наш транспорт! — гордо объявил Тимофей. — Проводник договорился. На нем доедем до базы, а там пешком.

— Проводник уже здесь?

— Нет, он завтра подъедет. Сегодня мы с тобой знакомимся, отдыхаем, а завтра приезжают ребята из Новосиба и проводник — он местный. И послезавтра — в путь. Ну так как насчет того, чтобы заехать в кафе? Я знаю одно место, там очень вкусно кормят.

Я кивнула. Есть действительно хотелось.

Мы загрузили вещи в «буханку». Тимофей сел за руль — оказалось, он умеет водить, а то по его виду можно было предположить, что способен он лишь бумажки перебирать — и мы поехали.

Город оказался маленьким и уютным. Многоэтажки быстро кончились, и дальше пошли домики в основном деревянные, одноэтажные, с резными наличниками и палисадниками. Машин мало, людей тоже. Воздух все такой же густой и пахучий.

Тимофей всю дорогу говорил. О петроглифах, о рисунках, о том, что мы можем открыть, если найдем ту пещеру. Я слушала вполуха, смотрела в окно и думала о своем.

— ...там изображены сцены охоты, но есть и странные рисунки. Люди с головами животных. Ритуалы какие-то. И, возможно, жертвоприношения. Старый этнограф писал, что местные верят — в тех горах живут духи. Не добрые, а злые. Их задабривали, чтобы не выходили к людям.

— Какие духи? — спросила я, скорее из вежливости.

— Эрлик, — Тимофей произнес это слово с благоговением. — Его еще зовут Эрлик-хан. Владыка нижнего мира. По легендам, он живет под землей, а слуги его, черные птицы и звери, следят за людьми. Если человек нарушает запреты, его забирают в подземный мир. Навсегда.

Я поежилась. В машине было тепло, но по спине снова побежал холодок.

— Красивые легенды, — сказала я.

— Не просто легенды, — Тимофей оживился. — В дневниках есть записи, что местные до сих пор верят. И есть места, куда не ходят. Священные рощи, перевалы, пещеры. Говорят, там можно встретить не только духов, но и тех, кто им служит — черных шаманов.

— Людей?

— Ну да. Или не совсем людей. Я читал, что в этих краях раньше жили племена, которые поклонялись Эрлику. Они проводили обряды, приносили жертвы. А потом исчезли. Но кто знает, может, не исчезли, а ушли под землю? Говорят еще, есть те, кто ждет под горами.

Точно! Каких-то «ждуших под горами» упоминала Катька. И черных, но не шаманов, а охотников.

Я посмотрела на Тимофея. Он говорил об этом с таким восторгом, будто рассказывал о предстоящем пикнике.

— Тимофей, а тебе не страшно?

Он удивленно глянул на меня.

— Страшно? Это же наука! Это открытия! Конечно, не страшно.

Я промолчала.

Мы подъехали к небольшому кафе с вывеской «У оленя». Внутри оказалось чисто и даже уютно — деревянные столы, на стенах шкуры и рога, пахнет жареным мясом.

— Здесь очень вкусная баранина, — сказал Тимофей, усаживаясь за столик. — И чай с травами. Обязательно попробуй.

Я заказала чай и какую-то еду, название которой не запомнила. Тимофей продолжал говорить, но я уже почти не слушала., только смотрела в окно на горы, которые виднелись вдалеке, и думала о том, что через пару дней мы пойдем туда. В эти горы. Где живут духи и, может быть, те, кто им служит.

Черные шаманы, которые черной-черной ночью устраивают черные-черные шабаши. Четыре черненьких чумазеньких шамана...

И вдруг я поймала себя на мысли, что мне не страшно. Совсем.

Странно. Должно быть страшно. Я в чужом городе, с почти незнакомым человеком, послезавтра иду в тайгу с людьми, которых никогда не видела. А мне не страшно.

Может, потому что самое страшное уже случилось? Когда я увидела Ленку, выходящую из преподавательской. Когда поняла, что все эти полгода была дурой.

— Арина? — Тимофей прервал мои мысли. — Ты слушаешь? Тебе же про это писать еще.

— Да, — соврала я. — Про дневники. Ты покажешь?

— Конечно!

Он полез в сумку, которую почему-то притащил в кафе и поставил рядом, и извлек оттуда потрепанную папку, перевязанную бечевкой. Развязал, достал несколько тетрадей в облезлых корочках.

— Вот. Смотри. Это оригиналы, пришлось попотеть, чтобы отыскать их в архиве. Так что ты поосторожнее.

Я взяла одну тетрадь. Бумага пожелтевшая, местами выцветшая, почерк мелкий, но разборчивый. «15 июля 1973 года. Поднялись на перевал. Видимость плохая, туман. Проводник отказывается идти дальше, говорит, что это место нечистое. Пришлось убеждать...»

— Видишь? — Тимофей тыкал пальцем. — Они дошли до пещеры. Описывают вход, рисунки. А потом... потом страницы вырваны. Видишь?

Я перелистнула. Действительно, несколько страниц отсутствовало, остались только рваные края.

— Что там было?

— Неизвестно. Дальше записи обрываются, а потом — уже про возвращение. Они пишут, что двое пропали. Возможно, ушли вниз по реке. В любом случае, не вернулись. Поиски ничего не дали. Позже решили, что они где-то в горах заблудились и упали в расщелину.

Я закрыла тетрадь.

— Тимофей, а зачем мы туда идем? Если те двое пропали? Там же может быть опасно.

— Ну, во-первых, это было пятьдесят лет назад. А во-вторых... — он загадочно улыбнулся. — А во-вторых, я знаю, где искать. Старый охотник кое-что мне рассказал. Что те двое не просто пропали. Их забрали.

— Кто забрал?

Тимофей понизил голос.

— А вот этого он не сказал. Только крест рукой в воздухе нарисовал — здесь этот знак еще с дохристианских времен известен, говорят, помогает зло отгонять, — и ушел. Но я думаю, это просто легенды.

— А если не просто?

— Арина, — Тимофей посмотрел на меня с удивлением. — Ты же не веришь в эти сказки? Мы современные люди. Найдем пещеру, сфотографируем рисунки. Наука.

— Наука, — повторила я.

Но почему-то вспомнился сон. Голая, босиком, бегу от погони. И тень в пещере с желтыми глазами.

— Ладно, — сказала я. — Поехали на базу. Я устала.

Тимофей закивал, расплатился и мы вышли из кафе.

Солнце клонилось к закату, и горы стали еще красивее — розовые, золотые, фиолетовые. Я смотрела на них и не могла оторваться.

— Красиво, — сказал Тимофей. — Каждый раз, когда вижу, дух захватывает.

— Ага.

Мы сели в «буханку» и поехали на базу. За окном проплывали домики, потом лес, потом снова горы.

Я достала из кармана оберег, сжала его в руке.

— Спасибо, Катька, — в который раз прошептала я. Может, и правда пригодится.

Впереди была ночь. А завтра — начало пути.

База отдыха называлась «Золотые горы» и находилась в получасе езды от города. Дорога петляла между холмами, и Тимофей крутил руль, то и дело вглядываясь в навигатор.

— Сейчас, сейчас, — бормотал он. — Должен быть поворот направо. Или налево?

Я смотрела в окно. Лес становился гуще, деревья выше. Изредка попадались деревянные домики многие с заколоченными окнами.

— А туристы здесь есть? — спросила я.

— Здесь сезон только начинается, — ответил Тимофей. — Еще неделя — и будет полно народу, а пока тихо. Нам же лучше, да?

Я не ответила. Хорошо — это когда тихо? Или когда людно? Я не знала.

Наконец показался указатель: «Турбаза „Золотые горы“ — 2 км». Дорога стала хуже — ямы, колеи, грязь. «Буханка» подпрыгивала на ухабах, и я держалась за поручень, чтобы не стукнуться головой о крышу.

— Держись! — крикнул Тимофей, объезжая очередную яму.

Мы выехали на поляну. Перед нами стояло несколько деревянных домиков — аккуратных, с резными наличниками и крылечками. Чуть дальше виднелась река — широкая, быстрая, с прозрачной водой, в которой отражались горы.

— Красота, — выдохнула я.

— А я что говорил! — Тимофей заглушил мотор. — Приехали.

Мы вылезли из машины. Воздух здесь был еще гуще, чем в городе. Пахло рекой, хвоей и чем-то сладким — то ли цветами, то ли просто травой. Вдалеке шумела вода — наверное, пороги.

— Пойдем, заселимся, — Тимофей достал наши рюкзаки из кузова.

Администратор, пожилая женщина в цветастом платке, выдала нам ключи. Домики были отдельные, маленькие, на двоих. Две кровати, тумбочка, встроенный в стену шкаф, стол и маленькое окно с видом на реку. И крошечный совмещенный санузел.

— Если что, я рядом, — сказал Тимофей, показывая на соседний домик. — В семь ужин, не опаздывай, а то ляжешь спать голодная. Магазинов здесь уже нет.

— Хорошо, — откликнулась я. — А здесь вообще есть кто-то кроме нас?

— Пока что — никого. Сторож. Да вот тетенька, специально ради нас приехала, заселить и еду готовить.

— Понятно.

Я зашла внутрь. Пахло деревом и сухой травой. На кроватях — свежее белье, на столе — чайник и кружки. Просто, но чисто.

Я бросила рюкзак на пол и села на кровать. Тишина. Только река шумит где-то вдали, да птицы поют. Не то что в Москве — там даже ночью слышны машины, сигнализации, голоса.

Я легла, закрыла глаза. И сразу напряглась.

Тимофей.

Он рядом. В соседнем домике. Вдруг он... ну, вдруг он решит, что раз мы вдвоем, то можно?

Я села. Сердце забилось быстрее.

Глупости. Мы в экспедиции. У нас деловые отношения. Он нормальный. Да и вообще, его девушки-то интересуют? У него дневники, легенды, петроглифы. Черные шаманы.

Но мало ли? Вон Виктор тоже казался нормальным. До поры до времени.

Я встала, подошла к окну. Тимофей как раз выходил из своего домика с полотенцем через плечо — наверное, к реке. Он даже не посмотрел в мою сторону. Просто пошел по тропинке, что-то насвистывая.

Я выдохнула.

Может, я просто привыкла, что от мужиков надо ждать подвоха. Виктор научил.

Вечер тянулся медленно. Я разобрала вещи, сходила к реке, умылась. Вода была ледяная — даже руки ломило. Местные говорят, что Катунь даже летом не прогревается, потому что питается ледниками. Но умываться из нее все равно интереснее, чем из крана в домике. Раз уж я в экспедиции, то и скажу по-умному — аутентичнее.

К ужину я пришла ровно в семь. Столовая оказалась большим деревянным домом с длинными столами и скамейками. Тимофей уже сидел с тарелкой дымящегося супа и что-то писал в блокноте.

— Арина! — обрадовался он. — Садись. Здесь очень вкусно кормят. Сейчас принесут уху.

— Спасибо, — я села напротив.

Тимофей жевал и строчил в блокноте, периодически поглядывая на какие-то бумаги, разложенные рядом.

— Работаешь? — спросила я.

— Записываю мысли, — он поднял голову. — Понимаешь, когда читаешь дневники, приходят идеи. Вот смотри.

Он пододвинул ко мне тетрадь. Там была какая-то схема — стрелки, кружочки, пометки.

— Я пытаюсь реконструировать маршрут. По записям, они шли от реки вверх по ущелью. Но там много ответвлений. Надо понять, куда именно.

— А проводник? Он разве не знает?

— Проводник местный, он знает тропы. Но пещеру эту никто не искал. Местные туда не ходят, говорят, место плохое.

— Плохое?

— Ну, легенды. Про духов, про черных людей. Я же рассказывал.

Я помешала уху ложкой.

— Тимофей, а тебя это точно не пугает?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Пугает? А чего бояться? Камни, деревья, рисунки. Ну, медведи есть, но от медведей у нас фальшфейеры. И проводник будет с ружьем.

— А легенды?

— Арина, легенды — это фольклор. Интересный, познавательный, но не более. Мы же не в средневековье живем.

Я хотела сказать, что легенды просто так не рождаются, но промолчала.

После ужина Тимофей ушел к себе — сказал, что хочет еще поработать с картами. Я пошла к реке.

Стемнело. Горы стали черными, небо — темно-синим, почти фиолетовым. Звезд было столько, сколько я никогда не видела в Москве. Миллионы. Они висели низко, казалось, рукой подать.

Я стояла на берегу и слушала воду. И вдруг поймала себя на том, что не думала о Викторе. Совсем. Впервые за полгода.

Хорошо.

Вернее, хорошо было ровно до этого момента. Стоило вспомнить, как он прочно угнездился в моих мыслях. Нет, пора спать. Спать, спать, спать.

Вернувшись в домик, я заперла дверь на крючок — на всякий случай. Потом подумала и подперла ручку стулом. Тимофей, конечно, вряд ли придет, но привычка — великая сила.

Легла, укрылась одеялом. За окном шумела река, пахло травой. Я сжала в руке Каткин оберег и закрыла глаза.

— Только не снись, — попросила я неизвестно кого. — Пожалуйста, не снись.

И это было не про Виктора. Я боялась, что тот сон — с погоней, с пещерой, с голосом — вернется. Боялась, что засну и снова буду бежать босиком по острым камням.

Но ничего не приснилось.

Я провалилась в темноту — глубокую, спокойную, без сновидений. И проснулась только утром от того, что в дверь стучали.

Глава 3. Знакомство

— Арина! — голос Тимофея. — Вставай! Завтрак через полчаса, а потом наши приезжают!

Я села на кровати. Солнце светило в окно, река шумела, птицы орали как сумасшедшие. Я чувствовала себя выпавшейся и почему-то очень спокойной.

— Иду! — крикнула я.

За завтраком Тимофей был еще более возбужденным, чем вчера.

— Они уже едут! — сообщил он, пододвигая ко мне тарелку с кашей. — Кристина и Дима. И проводник. Ты не представляешь, я так волнуюсь!

— Ты прямо как ребенок, — усмехнулась я. И тут же подумала — не обидела ли его. Но, похоже, нет.

— А что? Это же здорово! Новая экспедиция, новые люди, новые открытия!

Я ела кашу и думала о новых людях. Кристина и Дима. Парочка из Новосиба. Интересно, какие они?

После завтрака мы пошли на стоянку — ждать машину. Тимофей то и дело смотрел на часы, нервно поправлял очки.

— Должны были уже приехать, — бормотал он. — Наверное, пробки.

— Здесь бывают пробки? — удивилась я.

— Ну, не как в Москве, конечно, — Тимофей засмеялся. — Но всякое случается.

Я устроилась на скамейке, подставив лицо солнцу. День обещал быть жарким. Небо чистое, ни облачка. Горы на горизонте сверкали снежными шапками.

И вдруг я услышала шум мотора.

— Едут! — Тимофей вскочил.

Из-за поворота вылетела выдавшая виды «Нива», вся в грязи, с багажником на крыше. Машина лихо подкатила к стоянке и затормозила так, что взвизгнули колеса.

— Приехали, — сказал Тимофей, и лицо у него стало еще счастливее.

Из «Нивы» вылез водитель — местный, судя по виду, лет сорока, в кепке и с усами. А следом...

Следом вылезла она.

Я сразу поняла, что это Кристина. Потому что таких, как она, видно за версту. Высокая, длинноногая, в коротких джинсовых шортах и в майке с блестками. Блондинка! Голубоглазая блондинка! Такая не может не быть Кристиной. Волосы распущены, глаза подведены, губы накрашены. На руках, которые, как и ноги, покрыты искусственным загаром — куча браслетиков-фенечек. Первая мысль — а что, так можно было? Вторая — ну, отправляемся мы в путь только завтра, наверно, она переоденется.

Девушка потянулась как кошка и огляделась.

— Ну и глушь, — сказала она звонко. — Дима, вылезай, приехали.

Из машины вылез Дима. Хмурый, коротко стриженный парень в очках, с рюкзаком, на который были нацеплены какие-то значки и брелоки. Футболка с принтом, джинсы, кроссовки. Он сразу же встал рядом с Кристиной как цепной пес, и уставился на нас исподлобья.

— Здравствуйте! — Тимофей бросился к ним. — Я Тимофей, руководитель экспедиции. А это Арина, студентка, журналистка.

— Привет, — Кристина окинула меня взглядом с ног до головы. — А ты ничего такая. Москва, да?

— Ага, — сказала я.

— А мы из Новосиба. Третья столица, — она хохотнула. — Димка, познакомься.

Дима кивнул, но руки не протянул. Стоял, смотрел на меня сквозь очки, и взгляд у него был недоверчивый, колючий.

— Очень приятно, — сказала я.

— Взаимно, — буркнул Дима.

— А где проводник? — спросил Тимофей, оглядываясь. — Вы же с ним должны были приехать?

— А он сзади, — Кристина махнула рукой. — На своей машине. Сказал, за продуктами заедет. Скоро будет.

Мы стояли и ждали. Кристина болтала без умолку — о дороге, о том, как устала, о том, что здесь красиво, но комары замучили. Дима молчал, таскал рюкзаки и поглядывал на меня.

Я пыталась придумать тему для разговора и ляпнула первое, что пришло в голову:

— А какой город больше — Новосибирск или Горно-Алтайск?

Кристина замерла. Потом расхохоталась, так громко, что птицы с ближайших кустов взлетели.

— Димка, ты слышал? — сквозь смех выдавила она. — Какой город больше!

Дима усмехнулся. Впервые за все время.

— Новосибирск — третий по населению город России, — сказал он с легкой иронией. — Миллион шестьсот тысяч человек. А Горно-Алтайск — шестьдесят четыре тысячи. Примерно как один район Новосиба.

— Ой, простите, — я почувствовала, что краснею. — Я просто... ну, никогда здесь не была. Думала, здесь все маленькое.

— Москвичи, — Кристина покачала головой, но уже без смеха, скорее добродушно. — Вы думаете, за МКАДом жизни нет. А она есть, и еще какая!

— Я не думаю, — попыталась оправдаться я. Прозвучало как-то глупо. — В смысле, вообще-то, думаю, но не... — тоже как-то нехорошо. Попробуем по-другому. — Просто правда не очень хорошо знаю географию.

— Ладно, бывает, — Кристина махнула рукой. — Научим.

И тут я услышала звук мотора. Второго. Тяжелый, низкий гул, совсем не похожий на тархтение «Нивы».

Из-за поворота выехал УАЗ — старый, облезлый, зеленый, с кузовом, заставленным какими-то ящиками. Он остановился рядом с нами, и из кабины вышел парень.

Я смотрела, как он вылезает из машины, и не могла отвести взгляд.

Высокий. Широкоплечий. Руки — такие, что хорошо видно рельеф мышц, даже когда они не напряжены. Волосы темные, чуть длиннее, чем надо, падают на лоб. Лицо... лицо было странное. Не то чтобы красивое — неправильное, грубоватое, с тяжелой челюстью и прямым носом. Но в нем было что-то такое, от чего у меня внутри екнуло.

Он посмотрел на нас. Взгляд серых глаз — цепкий, спокойный. Будто сканирует, оценивает.

— Здравствуйте, — сказал он негромко.

Голос низкий, чуть хрипловатый.

— Егор? — Тимофей подскочил к нему. — Проводник?

— Ага, — парень кивнул. — Егор.

— Очень приятно! Я Тимофей, руководитель. Мы с тобой перезванивались, переписывались. А это наши остальные участники — Арина, Кристина, Дима.

Егор перевел взгляд на нас. Скользнул по Кристине, по Диме, остановился на мне.

Я смотрела на него и думала: «Пещерный человек. Настоящий пещерный человек».

Потому что именно такое ощущение он создавал — будто вышел из леса, из гор, из какой-то древности. Не от мира сего. И при этом — дико, необъяснимо привлекательный.

— Здорово, — сказал он, чуть кивнув.

Кристина тут же оживилась.

— Привет! — она улыбнулась парню белозубой улыбкой голливудской кинозвезды. — А ты местный? Давно здесь живешь?

— Местный, — коротко ответил Егор.

— А сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— О, почти ровесники! — Кристина подошла ближе, кокетливо повела плечом. — А ты учишься?

— В ГАГУ, на географа.

— Класс! ГАГУ — это где-то здесь, у вас?

Она сказала «у вас» так, как будто была уверена, что кроме Москвы и Новосибирска других стоящих городов в России вообще нет. Кстати, может и Москва в этом коротком списке лишняя. Но Егора это, похоже, не смутило. Его, судя по всему, вообще сложно было чем-то смутить.

Я наблюдала за этим и чувствовала, как внутри закипает раздражение. На Кристину? На Егора? На себя?

— Егор, — вмешался Тимофей. — Давай поможем с вещами. У нас тут снаряжение, продукты...

— Давай. Тут еще на турбазу просили кое-что забросить, — Егор заскочил в кузов и начал ворочать ящики.

Я смотрела, как он двигается. Спокойно, уверенно, без лишних движений. Каждое действие — четкое, отработанное. Видно, что привык к физической работе.

— Арина, поможешь? — крикнул Тимофей.

Я очнулась.

— Да, иду.

Мы перетаскивали вещи к домикам. Кристина, конечно, «помогала» — то есть стояла в сторонке и комментировала. Дима таскал рюкзаки, мешки и ящики, но делал это с таким видом, будто его заставляют.

— Егор, а ты давно в горах? — не унималась Кристина.

— С детства.

— А страшно там?

— Кому как.

— А тебе?

— Мне — нет, — он даже не повернулся к ней. Просто продолжал носить ящики.

Я поймала себя на том, что смотрю на его спину. На то, как под футболкой перекачиваются мышцы. И раздражаюсь еще больше.

Надо взять себя в руки. Я приехала сюда не за этим. Я приехала забыть одного мужика, а не заглядываться на другого. Тем более на какого-то местного парня, который даже разговаривать нормально не умеет. В конце концов, именно это я обещала Катке.

— Арина, — вдруг сказал Егор.

Я вздрогнула. Он стоял рядом и смотрел на меня.

— Чего?

— Не стой на дороге.

Только в этот момент я осознала, что действительно стою как столб. Задумчивая вся такая. Хотя... Умеют ли столбы думать? Егор терпеливо смотрел на меня, держа в руках какой-то увесистый ящик.

— Ой... Извини.

Я сделала пару шагов в сторону. Я смотрела, как он проходит мимо и идет дальше, и думала: «Он запомнил мое имя». А еще: «Ни пожалуйста, ни спасибо. В лесах и пещерах, наверно, таких слов не знают».

Глупо, конечно.

Но внутри опять екнуло.

К обеду мы все перетаскали и собрались в столовой. Водитель «Нивы», доставивший Кристину и Диму, уехал. Тимофей разложил карты, Егор смотрел на них и кивал.

— Маршрут такой, — Тимофей тыкал пальцем. — Идем вверх по реке, потом сворачиваем в ущелье. Здесь, по записям, должна быть пещера.

— Знаю это место, — негромко сказал Егор. — Там тропа плохая. Осенью камнепад был.

— Пройдем?

— Попробуем. Но... Вы точно уверены, что вам туда надо?

— Точно, — уверенно кивнул Тимофей. — И там по сторонам еще, то туда, то сюда.

Дима мне поможет уточнить маршрут.

Кристина сидела рядом с Димой и сверлила Егора взглядом.

— А медведи там есть? — спросила она.

— Есть, — Егор поднял глаза. — Но они людей боятся. Если не лезть к ним...

— А ты с ружьем пойдешь?

— Возьму.

Я молча слушала этот разговор и чувствовала странное напряжение. Кристина явно заигрывала с Егором. Дима мрачнел с каждой минутой. А Егор... Егор никак не реагировал. Вообще. Будто не замечал.

— Короче, завтра в шесть утра отправляемся, — подвел итог Тимофей. — Сегодня отдыхаем, готовимся. Вопросы?

Вопросов не было.

После обеда я пошла к реке. Солнце пекло немилосердно, и от воды тянуло прохладой. Я села на большой плоский камень у самого берега, смотрела на воду. Вода неслась быстро, с шумом, и этот шум успокаивал.

Было жарко. Воздух плавился даже в тени. В Москве я бы сейчас лежала под кондиционером. Пригодятся ли мне шерстяные носки и термобелье?

Я посмотрела на реку. Вода прозрачная, видно дно — камни, галька, кое-где водоросли. Очень чистая, манящая.

Я разулась. Стянула носки, закатала джинсы до колен. Ноги поставила на камни — они были горячие, нагретые солнцем. Сделала шаг к воде, второй.

Босая нога коснулась воды — и я чуть не заорала.

Вода была ледяная. Не прохладная, не освежающая — ледяная, как из морозилки. Ноги свело судорогой, я отдернулась, но ступни уже горели от холода. А камни на дне — острые, скользкие, наступать больно.

Я зашипела, пытаясь удержать равновесие, и чуть не упала.

— Ты чего делаешь?

Голос раздался прямо за спиной. Я вздрогнула, обернулась и чуть не полетела в воду.

Сзади стоял Егор. Я даже не слышала, как он подошел. Стоял и смотрел на меня с этим своим непроницаемым лицом.

— Ничего, — сказала я, вылезая на берег. Ноги были мокрые, в песке и мелких камешках. — Купаться хотела.

Егор посмотрел на реку, потом на мои босые ноги.

— В Катунь не купаются, — сказал он спокойно. — Холодная. И быстрая. Утонуть можно.

— Я не собиралась утонуть. Просто освежиться. Да ладно, даже не купаться, так, ноги помочить.

— Для освежения есть озера. За базой, где-то километр отсюда. Там вода теплая.

Я вытерла ноги о траву, натянула носки. Было одновременно обидно и неловко. Он стоял и смотрел, будто я маленькая, которая в лужу полезла.

— Спасибо за лекцию, — буркнула я.

— Я не лекцию читаю, — Егор пожал плечами. — Просто объясняю. У нас тут свои правила.

— У вас тут, — передразнила я. — Слушай, я не в первый раз на природе.

— На природе — может быть. На Алтае — в первый раз.

Я открыла рот, чтобы огрызнуться, но он уже повернулся и пошел к базе. Спокойно, неторопливо, будто и не было ничего.

— Вот же... — прошептала я.

И вдруг поймала себя на мысли, что смотрю ему вслед. На то, как двигается, как играют мышцы под футболкой. К тому же, он ведь прав. Здесь какие-то другие правила, и ему они лучше известны. И от этого стало еще противнее, внутри закипела злость — на себя, на него, на всю эту ситуацию.

Я пошла обратно к домикам. Настроение испортилось окончательно.

Проходя мимо одного из домиков, я услышала голоса. Дверь была приоткрыта, и звуки доносились отчетливо.

— ...я все видел, — это Дима. Голос злой, напряженный. — Ты на него смотрела, как кошка на сметану.

— Димка, прекрати, — Кристина. Устало, раздраженно. — Я просто разговаривала.

— Разговаривала? Ты перед ним хвостом крутила! Я не слепой.

— А даже если и так? — Кристина вдруг перешла на другой тон — насмешливый, провоцирующий. — Ревнуешь?

— Да, ревную! Имею право!

— И что ты сделаешь? Запрешь меня в домике?

Я замерла. Понимала, что подслушивать нехорошо, но ноги будто приросли к земле.

— Кристина...

— Что — Кристина? — голос девушки стал низким, мурлыкающим. — Иди сюда.

Шорох снимаемой одежды. Возня. Потом звук поцелуя — влажный, отчетливый. И тихий смех Кристины.

— Ревнивый мой...

Я стояла и слушала, как завороженная. Звуки из домика становились другими — тяжелое дыхание, скрип кровати, приглушенные стоны.

И вдруг поняла, что меня бросает в жар.

Это было глупо, неправильно, но тело отреагировало раньше, чем голова. Я вспомнила Виктора. Его руки, его губы, то, как мы встречались в его машине, в пустых аудиториях, в квартире, которую он снимал для таких вот встреч.

Я вспомнила его запах. Как он целовал шею. Как говорил, что я самая лучшая.

Врун.

Я заставила себя отойти от домика. Ноги слушались плохо, внутри все дрожало.

— Дура, — прошептала я. — Какая же ты дура.

Я зашла в свой домик, закрыла дверь и села на кровать. Сердце колотилось, как после пробежки. В ушах все еще стояли эти звуки — дыхание, скрип, смех.

Я взяла Катькин оберег, который оставила на столике. Сжала в руке. Дерево чуть нагрелось, и стало чуть легче.

— Забудь, — сказала я вслух. — Забудь его. Он того не стоит.
Но тело помнило. И это было хуже всего.

Я сидела так минут десять, пока дыхание не выровнялось. Потом встала, умылась холодной водой из рукомойника.

В дверь постучали.

Я вздрогнула.

— Арина? — голос Тимофея.

Я открыла. Он стоял на пороге, взъерошенный, с блокнотом в руках.

— Там это... ужин сегодня у костра. Егор сказал, инструктаж проведет. Про безопасность, про маршрут. Ну и вообще, познакомиться. В общем, к шести приходи к костру, у реки. Увидишь.

— Хорошо, — сказала я.

— Ну, я пошел, — Тимофей уже развернулся, но вдруг остановился. — Арина, ты чего?

Бледная какая-то?

— Все нормально. Устала просто.

— А, ну отдыхай. До вечера! Если хочешь — погуляй вокруг, только далеко не уходи. Или просто полежи. В общем, тебе виднее.

Он ушел.

Я посмотрела на часы. Время есть. Можно привести себя в порядок.

Я надела чистую футболку, расчесала волосы. Посмотрела в зеркало. Вроде, все нормально.

Когда я вышла, солнце уже клонилось к закату. Воздух стал мягче, прохладнее, запахи — гуще. Я пошла к реке, туда, где уже виднелся дымок костра.

Глава 4. У костра

Костер на поляне у воды уже горел — небольшой, аккуратный, вокруг него лежали бревна, заменяющие скамейки. Но из всей экспедиции здесь был только один человек.

Егор.

Он сидел на бревне и строгал какую-то палку ножом. Рядом с ним, на корточках, устроился старик. Наверно, сторож, о котором упоминал Тимофей.

Старик был по-настоящему старый — лет семидесяти, наверное, а может, и больше. Низенький. Темное, морщинистое, обветренное лицо, узкие глаза, седые волосы, убранные под выцветшую кепку. Одет в старую телогрейку и резиновые сапоги, несмотря на теплый вечер. В руках — самокрутка, от которой тянулся сизый дымок.

Он курил и смотрел на огонь. Или сквозь огонь. Куда-то вдаль, где темнели горы.

— Арина, — Егор поднял голову. — Садись. Это Баир.

Старик повернулся ко мне. Глаза у него были светлые, почти прозрачные, и смотрели они так, будто видели насквозь.

— Здравствуй, девушка, — сказал он негромко. Голос скрипучий, как старая дверь. — Из Москвы, что ли?

— Ага, — я села на бревно напротив. — А вы откуда знаете?

Баир усмехнулся в усы.

— У нас тут москвичей сразу видно. Торопливые все. А в горах торопиться не нужно.

— Я не тороплюсь, — сказала я, но почему-то под взглядом этих прозрачных глаз почувствовала себя неуютно.

— И то хорошо, — Баир затаился, выпустил дым. — В горах кто торопится, тот назад не всегда возвращается.

Егор молча строгал палку. Костер потрескивал, река шумела, и в этом шуме мне слышались какие-то слова. Или просто я сама себе что-то придумывала.

— А вы здесь живете? — спросила я, просто чтобы хоть что-то сказать.

— Здесь, — кивнул Баир. — Тут родился, тут и помру.

— Долго живете?

— Семьдесят два года. Или семьдесят три. По-разному считали.

Он говорил спокойно, будто о погоде. И от этого спокойствия мне стало еще более неуютно.

— Арина, — вдруг сказал он. — Имя хорошее. Мирная — это если с древнего языка. Только вот...

Он замолчал, глядя на огонь.

— Что? — не выдержала я.

— Ничего, — Баир покачал головой. — Может, показалось.

— Что показалось?

Он посмотрел на меня, и я увидела в его глазах отражение пламени.

— Тень за тобой, — сказал он просто. — Темная. Чужая. Откуда?

У меня внутри похолодело.

— Какая тень?

Баир не ответил. Он снова уставился в огонь и затаился самокруткой.

— Баир, — негромко сказал Егор. — Не пугай человека.

— Я не пугаю, — старик усмехнулся. — Я спрашиваю. Девушка сама знает, откуда тень. Из Москвы, наверное.

Я смотрела на него и не знала, что сказать. Тень. Что он имел в виду? Виктора? То, что я от него бегу?

— Ничего, — сказал Баир. — В горах тени тают. Если не бояться.

— А если бояться?

Он посмотрел на меня. Долго, пристально.

— Тогда тень становится гуще. И может утащить.

К костру подходили остальные — Тимофей с блокнотом, Кристина под руку с Димой. Кристина сияла, Дима выглядел довольным как сытый кот.

— О, костер! — с какой-то искусственной радостью в голосе закричал Тимофей. — Класс! Арина, ты уже здесь?

— А это кто? — спросила Кристина, кивнув в сторону старика.

— Баир, — ответил Егор. — Сторож. Местный.

— Очень приятно! — Кристина грациозно, по-кошачьи, опустилась на бревно. — А вы тут давно?

Баир посмотрел на нее, потом перевел взгляд на горы.

— Давно, — сказал он.

И снова замолчал.

Костер горел, река шумела, а я все никак не могла забыть его слова. Тень за тобой. Темная. Чужая.

Опять вспомнился неприятный сон. Что-то пугающее — за спиной. Что-то пугающее — впереди меня. Я сжала в кармане обертку.

— Арина, ты чего? — Кристина села рядом. — Все в порядке?

— Все нормально, — сказала я. — Просто показалось.

Но я знала, что не показалось.

Костер разгорался, и языки пламени лизали вечернее небо. Темнело здесь быстро — только что солнце золотило вершины гор, и вот уже все вокруг погрузилось в синеву, сквозь которую пробивались только свет костра и первые звезды.

Мы сидели вокруг огня на бревнах — я, Тимофей, Кристина с Димой, Егор и старик Баир. Когда я пришла, еда уже была почти готова. На углях томились куски мяса, источая такой запах, что у меня заурчало в животе. Егор, видимо, позаботился заранее. Он сидел чуть поодаль, помешивая угли длинной палкой, и лицо его в свете пламени казалось вырезанным из камня.

Баир курил очередную самокрутку и, казалось, дремал с открытыми глазами. Кристина устроилась поудобнее, вытянув длинные ноги к огню, и то и дело поправляла волосы. Дима сидел рядом, по-хозяйски положив руку ей на плечо, и сверлил взглядом Егора.

Тимофей суетился больше всех — подкладывал ветки в костер, который и без него горел отлично, переворачивал мясо, хотя Егор явно справлялся лучше. Наконец он отряхнул руки, встал и прочистил горло.

— Итак, коллеги! — торжественно объявил он. — Позвольте официально представить нашу экспедицию.

Кристина закатила глаза, но промолчала. Дима хмуро уставился в огонь.

— Я Тимофей Соколов, — продолжил Тимофей, поправляя очки. — Аспирант кафедры этнографии Московского государственного университета. Моя специализация — древние наскальные рисунки Сибири и Алтая. Я — руководитель экспедиции.

Он сделал паузу, будто ждал аплодисментов. Их не последовало.

— Это Егор, — Тимофей махнул рукой в сторону проводника. — Егор Батуев. Наш проводник. Местный, студент геофака Горно-Алтайского университета. Знает эти горы как свои пять пальцев.

Егор чуть кивнул, не поднимая глаз от костра.

— Это Арина, — Тимофей повернулся ко мне. — Арина Белых. Студентка журфака МГУ. Будет вести полевой дневник экспедиции, делать записи и, возможно, фотографии.

Я кивнула. Журфак — это правда. Тимофей знал, кого брать.

— Это Дмитрий, — Тимофей указал на хмурого парня в очках. — Дмитрий Коваль, студент Новосибирского государственного университета, факультет информационных технологий. Будет помогать с навигацией и, надеюсь, с фотофиксацией.

Дима буркнул что-то неразборчивое про оборудование.

— И Кристина, — Тимофей запнулся на секунду. — Кристина... э-э... спутница Дмитрия.

Он не назвал фамилию. И специальность. Я машинально отметила это про себя. Спутница Дмитрия — вот и вся характеристика. Почему? Кто она? Просто девушка, которая поехала за парнем? Мы все — участники экспедиции, а она — туристка?

Кристина, кажется, не заметила неловкости. Она улыбнулась, стрельнула глазами в сторону Егора и поправила волосы.

— Очень приятно, — пропела она. — А можно уже мяса?

— Да-да, конечно, — засуетился Тимофей. — Егор, там готово?

Егор молча поднялся, взял палку с нанизанными кусками и начал раздавать. Мясо было горячим, сочным, с легким запахом дыма. Я впилась в него зубами и чуть не застонала от удовольствия.

— Вкусно, — сказала я.

Егор глянул на меня мельком и снова уставился в огонь.

— А ты, оказывается, и такое умеешь, — заметила Кристина, облизывая пальцы.

— Умею, — буркнул он.

— А девушка у тебя есть?

Я замерла с куском в руке.

— Нет, — коротко ответил Егор.

— Как так? — Кристина удивилась. — Такой парень — и один? Не верю.

— Кристина, — подал голос Дима. Голос напряженный, злой.

— Что? — она повернулась к нему. — Я просто интересуюсь. Нельзя?

Дима промолчал, но я видела, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих кружку.

— В горах времени нет на девчонок, — сказал Егор, глядя в огонь. — Здесь работа.

— Работа, — фыркнула Кристина. — Ты же молодой. Жить надо, а не работать.

— Я живу, — Егор поднял глаза и посмотрел на нее. Спокойно, равнодушно. — Здесь и живу.

Кристина хотела что-то ответить, но осеклась. Даже она поняла, что на этот раз он не просто отмалчивается — он закрывает тему.

Я смотрела на него и вдруг поймала себя на дурацкой мысли: «А как бы он смотрел на меня? Так же равнодушно? Или по-другому?»

И сразу стало противно. Что за чушь лезет в голову? Приехала за тысячу километров, чтобы думать о каком-то местном парне?

Я отвернулась к огню.

— Итак, коллеги, — Тимофей снова взял слово, разворачивая карту. — Давайте по плану. Завтра утром выдвигаемся. Хорошая новость — Егор говорит, несколько часов можно будет проехать на «уазике». Сэкономим примерно день. К тому же еду и снаряжение не с самого начала на своих плечах тащить. Сколько-то проедем, потом оставим машину и пойдем пешком. Идем вверх по Катуню, затем сворачиваем в ущелье. Вот здесь, — начальник экспедиции ткнул пальцем в карту, не обращая внимания на то, что никто, похоже, не смотрел, куда он показывает, — судя по записям из дневников, должна быть пещера с петроглифами. Рисунки древние, никем не исследованные. Это потенциальная сенсация!

— А долго идти? — спросила я.

— С того момента, как оставим машину? Где-то четыре с половиной дня, если погода позволит. Заночуем на стоянке у подножия, а с утра — искать пещеру. Пару недель там можем провести смело. Или немного больше.

— А обратно?

— Обратно быстрее, вдоль реки. Там тропа вниз.

Кристина зевнула, прикрыв рот ладошкой.

— Скучно, — протянула она. — Камни какие-то. А красивое там хоть будет?

— Там горы, — неожиданно подал голос Егор. — Если красивое любишь — насмотришься.

Кристина оживилась, стрельнула в него глазами.

— А ты покажешь? Самые красивые места?

— Покажу, — коротко ответил Егор, не поворачивая головы.

— Ну вот, обещают красивое, — Кристина толкнула Диму в бок. Тот дернулся, но промолчал, только сжал челюсть.

— Егор, — Тимофей явно был недоволен сменой темы. — Давай про инструктаж.

Егор поднялся. Стало видно, какой он высокий. Подошел к рюкзаку, достал оттуда что-то, вернулся к костру.

— Значит, так, — начал он негромко, но все замолчали. — Правила простые. Не отставать от группы. Если отстали — стоять на месте, ждать. Я вернусь, найду. Не уходить в стороны от тропы. Воду пить только из родников или кипяченую, из реки не пить — бактерии. Костер жечь только на стоянках, где я скажу.

— А медведи? — спросила Кристина с деланным испугом.

— Есть медведи, — спокойно ответил Егор. — Но они людей боятся. Если увидите — не кричать, не бежать. Замереть и ждать, пока уйдет.

— А если не уйдет?

— Тогда фальшфейер, — Егор показал красную трубочку. — У меня есть. И ружье.

— Стрелять умеешь? Точно? — подозрительно спросил Дима.

— Я местный, — Егор посмотрел на Дима в упор. — Здесь с детства с ружьями ходят. У нас по-другому нельзя.

Дима хотел еще что-то сказать, но Кристина сжала его руку, и он заткнулся.

— И еще важное, — Егор обвел всех взглядом. — Ночью из палаток не выходить по одному. Если приспичило — будите соседа. Вдвоем ходить. Поэтому лучше, если девушки будут спать в одной палатке, а парни — в другой.

— Это еще почему? — удивился Дима.

— В горах ночью ориентиры теряются. Или рано утром, в тумане. Отойдешь на пять метров — не найдешь палатку. Бывало.

— Ладно, — Тимофей закивал. — Принято. Все слышали?

Все закивали. Я тоже кивнула. Хотя мысль о том, что нужно будет спать в одной палатке с Кристиной, не очень радовала. Интересно, что она думает по этому поводу?

Егор сел обратно на бревно. И тут заговорил Баир.

Он до этого молчал, только курил и смотрел в огонь, и я уже думала, что старик задремал. Но он поднял голову, и его глаза блеснули в отвесах пламени.

— Ты им главное скажи, — произнес он скрипучим голосом. — Скажи, куда идете.

Егор нахмурился.

— Баир, не надо.

— Надо, — старик стряхнул пепел с самокрутки. — Они не местные, не знают. А знать должны.

— О чем это он? — Тимофей заерзал. — Какие-то проблемы?

Баир посмотрел на него долгим взглядом.

— Проблем не будет, если слушать будете. Не ходите далеко. В ущелье, куда вы собрались, места черные. Там хозяин живет.

— Хозяин? — переспросила Кристина. — Какой хозяин?

— Слуга духов, — просто сказал Баир. — Хозяин гор. Он не любит, когда шумят. Когда лезут, куда не просят. Уважения требует.

— Баир, — Тимофей попытался улыбнуться. — Ну какие духи? Мы же современные люди...

— Современные люди туда не ходят, — перебил старик. — Местные не ходят. Только чужие лезут. А потом пропадают.

— Кто пропадает? — спросила я, и голос мой прозвучал глухо.

Баир посмотрел на меня. Тот самый взгляд — сквозь, будто видит что-то за спиной.

— Люди пропадают. Туристы. И не туристы. Были тут уже экспедиции, давно. Ушли в ущелье — не все вернулись.

— Это в семидесятых? — оживился Тимофей. — Вы про тех этнографов?

Баир не ответил. Только покачал головой и снова уставился в огонь.

— Легенды, — пробормотал Тимофей, но как-то неуверенно.

— Может, и легенды, — негромко сказал Егор. — Но местные туда действительно не ходят. Я поведу, но если что-то почувствую — разворачиваемся. И не надо бестолково лазить туда-сюда. Сначала меня спрашивайте. Договорились?

— Договорились, — быстро согласился Тимофей. Ему явно не хотелось спорить с проводником.

Наступила тишина. Только костер потрескивал да река шумела в темноте.

— Ладно, — Кристина нарушила молчание. — Страшилки на ночь — это круто. А мясо просто бомба. Егор, ты гений.

Егор не ответил.

Я доела последний кусок и запила чаем из кружки. Разговор переключился на Тимофея — он рассказывал про свои предыдущие экспедиции, про находки, про то, как однажды чуть не сорвался со скалы. Я слушала вполуха.

И вдруг перед глазами встала картина.

Та, которой я не видела, но которую представила с пугающей яркостью.

Домик Димы и Кристины. Тесная комнатка с деревянными стенами, узкая кровать, на которой они вдвоем. Свет не горит, только луна пробивается сквозь занавеску, рисуя бледные полосы на их телах.

Кристина — нагая, раскинулась на смятых простынях. Длинные ноги, гладкая кожа, светлые волосы разметались по подушке. Глаза прикрыты, губы приоткрыты, на лице — выражение блаженства и вызова одновременно.

Дима над ней. Без очков, глаза яростные, ревнивые, жадные. Он входит в нее резко, грубо, будто наказывает — за то, что смотрела на другого, за то, что улыбалась Егору, за то, что принадлежит ему, но может ускользнуть. Руки сжимают ее бедра до синяков. Дыхание сбивчивое, злое.

А Кристина стонет — и смеется. Тихо, довольно. Она знает, что делает. Она заводится от этой ревности, от этой грубости. Ей нравится, что он злится. Нравится, что он берет ее так, будто хочет сломать. Она выгибается навстречу, шепчет что-то — грязное, провоцирующее, отчего Дима звереет еще больше.

Я зажмурилась.

Твою мать. Зачем я это представляю?

Внизу живота потянуло знакомым теплом. Я вспомнила Виктора. Как он целовал меня там, внизу живота. Как шептал, что я самая лучшая. Как брал меня — не грубо, не жадно, а как-то... правильно. По-взрослому. С опытом. С умением.

Врешь, Виктор. Все вы врете.

Я открыла глаза и уставилась на огонь, стараясь думать о чем угодно, только не об этом. Пальцы сами собой сжали Катькин оберег в кармане — в этот раз я не стала оставлять его на столике, пусть лучше будет со мной.

— ...Арина, ты слушаешь? — Тимофей смотрел на меня.

— Да, — соврала я. — Все слушаю.

— Я говорю, завтра рано вставать. Надо бы по палаткам.

— Да, конечно.

Я поднялась. Ноги затекли от долгого сидения. Кристина и Дима тоже засобирались. Кристина потянулась, демонстрируя модельную фигуру, и я снова подумала о той картине, что рисовало мое воображение. Дима взял ее под руку собственническим жестом.

— Спокойной ночи, — бросил он всем, ни на кого не глядя.

Егор остался сидеть у костра, подкладывая ветки. Баир не двигался.

— А вы? — спросила я старика.

— Я еще посижу, — ответил он. — Огонь люблю.

— Спокойной ночи, — сказала я и пошла к домикам.

Но прошла всего несколько шагов, когда услышала сзади шаги. Обернулась — Баир догнал меня. Шел он легко, несмотря на возраст, почти беззвучно. Но теперь, когда старик встал, было видно, что он совсем невысокий. Да еще и горбился. И, похоже, прихрамывал.

— Девушка, — сказал он негромко. — Послушай меня еще.

Я остановилась. Он подошел ближе. В темноте его глаза светились странно — то ли луна отражалась, то ли еще что.

— Ты про тень спрашивала.

— Да.

— У многих есть тень, — сказал Баир. — У всех, кто живет неправильно. Кто обиду носит, кто страх, кто злость.

Я молчала.

— Но про чужие тени говорить не буду, — он покачал головой. — Нельзя. Чужая тень — не твое дело.

— А моя? Что с моей?

Баир посмотрел на горы. Они чернели на фоне звездного неба — огромные, молчаливые.

— Твоя тень от обиды, — сказал он. — От предательства. Мужчина обидел?

Я вздрогнула.

— Откуда вы...

— Вижу, — перебил он. — В глазах вижу. Ты бежишь от него. Думаешь, что убежишь.

А тень за тобой идет.

— И что делать?

Он помолчал.

— В горах тени тают. Если не бояться. Если бояться — становятся гуще. И могут утащить.

— Это вы уже говорили, — нахмурилась я. — Куда утащить?

Баир усмехнулся в усы.

— Туда, откуда не возвращаются. Места здесь древние. Сильные. Они помнят кровь. Помнят тех, кто уходил и не вернулся.

Мне стало холодно, хотя ночь была теплая.

— Вы пугаете меня, — сказала я. — Слышала я всякое. Про черных шаманов...

— Нет, — он покачал головой. — Я предупреждаю. Дальше сама. А черные люди и их шаманы...

Он развернулся и пошел обратно к костру — легкий, почти не касаясь земли, так словно ему и не семьдесят два или семьдесят три. И как будто уже и не хромал, и не горбился. А я еще стояла, глядя ему вслед.

В домике я разделась, легла, но сон не шел. Ворочалась с боку на бок, слушала, как шумит река. Вспоминала слова Баира. Тень. Обида. Предательство.

И еще — его глаза. Светлые, прозрачные, будто видят насквозь.

Вода. Мне нужна вода.

Я встала, накинула кофту. Можно было умыться в домике — там стоял рукомойник. Но что-то тянуло наружу, к реке. К холодной, ледяной воде, которая смывает всю эту муть.

Я вышла. В трусах и футболке, в которых спала, босиком. Кофта грела, да и вечер, плавно перетекающий в ночь, не был холодным, но голые ступни чувствовали прохладу.

Ночь была светлая — луна еще не взошла, но звезд было столько, что они освещали тропинку. Я пошла к реке, осторожно ступая по камням.

Вода шумела громко, почти оглушающе. Я присела на корточки у самого берега, зачерпнула ладонями ледяную воду, плеснула в лицо.

Холод обжег кожу, но внутри стало легче.

Я плеснула еще раз. Еще.

И вдруг руку сжали.

Я дернулась, закричать не успела — вторая ладонь зажала рот. Сильные пальцы, пахнет костром и табаком.

— Тихо, — шепот прямо в ухо. — Это я.

Егор.

Я выдохнула, сердце колотилось где-то в горле. Он убрал руку с моего рта, но запястье не отпустил.

— Ты с ума сошел? — прошипела я, вырываясь. — Какого черта?

— Я же говорил — ночью одной не ходить.

— Мы же еще на базе! И я не в лес пошла, и не в горы! Отпусти!

— Не ори, — он не отпуская. — Разбудишь всех.

— А ты не подкрадывайся!

Мы стояли в темноте, на берегу шумящей реки, и он держал меня за руку. Держал крепко, но не больно — просто не давал вырваться.

— Отпусти, — повторила я уже тише.

— Обещаешь не орать?

— Обещаю.

Он разжал пальцы. Я потеряла запястье — там остались красные следы.

— Слушай, проводник, — зашипела я. — Если ты думаешь, что можешь вот так хватать людей посреди ночи...

— Я думаю, что ты нарушаешь правила, — перебил он. — Я отвечаю за группу. Если с тобой что-то случится, мне отвечать.

— Со мной ничего не случится. Я просто умыться пришла.

— Надо было в домике умыться.

— А я захотела здесь!

Мы смотрели друг на друга в темноте. Луна начала подниматься из-за гор, и стало чуть светлее. Я видела его лицо — серьезное, хмурое, и глаза, в которых отражались звезды. Потом вспомнила, в каком виде стою перед ним.

— Ты всегда такая? — спросил он неожиданно.

— Какая?

— Упрямая.

— А ты всегда такой? — парировала я. — Командир?

— В горах надо командовать, — сказал он. — Иначе не выжить.

— Я не в горах, я на базе. Здесь можно без команд?

Он молчал. Смотрел на меня, и я вдруг поняла, что мы стоим слишком близко. Совсем близко. Я слышу его дыхание, чувствую запах — дым, река, еще что-то дикое, незнакомое.

— Арина, — сказал он тихо.

— Что?

— Ты...

Он не договорил. Или я не дала договорить. Или это река зашумела громче.

Он шагнул ко мне. Я шагнула назад — уперлась спиной в камень.

— Ты чего? — спросила я, и голос предательски дрогнул.

Он молчал. Смотрел в глаза. И вдруг поднял руку — медленно, будто давая время отстраниться — и коснулся моего лица.

Пальцы шершавые, горячие. Провел по щеке, по скуле, остановился на подбородке.

— Холодная, — сказал он. — Вода холодная.

— Ага, — выдохнула я.

И он поцеловал меня.

Жестко. Быстро. Просто прижался губами к моим губам, и у меня внутри все оборвалось.

Я не успела подумать — успела только почувствовать. Его губы — сухие, обветренные, настойчивые. Его руки — на моей талии, прижимают к себе. Его дыхание — сбивчивое, горячее.

Поцелуй длился секунду. Или вечность.

Я оттолкнула его. Рванулась так, что ударились спиной о камень.

— Ты... — выдохнула я.

Он стоял, тяжело дыша. Смотрел на меня, и в глазах его было что-то, чего я не могла разобрать.

— Извини, — сказал он хрипло.

Я развернулась и побежала.

К домику, по камням, спотыкаясь, не разбирая дороги. Влетела внутрь, заперла дверь, прижалась к ней спиной.

Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди. Губы горели. Руки дрожали. Это что вообще было? У них в горах так принято? Пришел, увидел, победил? Или пришел, увидел, взял?

— Глупость, — прошептала я. — Какая же глупость.

И не поняла — про него или про себя.

Егор остался у реки.

Он стоял на берегу и смотрел на воду, которая неслась мимо, в темноту. Луна поднялась выше, залила все серебряным светом. Горы стояли молчаливые, древние.

Он поднес руку к губам. Руку, которой он коснулся щеки той девчонки из Москвы. Упрямой, колючей, с черными глазами, в которых прячется боль. За которой, если верить Баиру — а этому старику, как он знал, лучше верить — тянется тень.

— Глупость, — сказал он вслух. — Какая же глупость.

Река шумела, не отвечала.

Он знал правила. Он сам их установил. Не выделять никого в группе. Не сближаться. Быть проводником, а не другом. Тем более — не любовником.

Но когда увидел ее у воды — одну, беззащитную, с мокрым от речной воды лицом — что-то щелкнуло внутри.

Он не должен был. Не имел права.

А она убежала. Испугалась. Или нет?

Егор провел рукой по лицу. Надо спать. Завтра рано вставать. Завтра вести их в горы.

Глава 5. Ночные тени

Дима не спал.

Он вышел из домика еще час назад — может, два, он потерял счет времени. Внутри было душно, стены давили, воздух стоял тяжелый, спертый. Кристина ждала его там, под одеялом, звала к себе, но он не мог. Сказал: «Проветрюсь», — и выскользнул наружу, не слушая, что она бормотала в ответ.

Здесь, снаружи, было хорошо. Прохладно, но не холодно — ветер с реки приносил свежесть, пахло травой и водой. Звезды горели ярко, как в планетарии, и горы чернели на их фоне огромными молчаливыми глыбами.

Дима ходил кругами вокруг домиков. Туда-сюда, туда-сюда. Как зверь в клетке.

Мысли не давали покоя.

Он знал, что Кристина ждет его. Знал, что она лежит там сейчас под одеялом. Одна. Голая. Наверняка голая — она всегда спала без пижамы, без ночной рубашки, говорила, что так кожа дышит. Дима представил: длинные ноги, гладкая кожа, светлые волосы на подушке, грудь, чуть прикрытая краем одеяла, приоткрытые губы. Она ждет его. Хочет его.

Он тоже хотел ее. До ломоты в паху, до дрожи в руках.

И ненавидел.

Ненавидел за то, как она смотрела на этого проводника сегодня у костра. За то, как улыбалась ему, тянула слова, стреляла глазами. За то, что делала это нарочно, при нем, зная, что он видит.

— Тварь, — прошептал Дима в темноту.

Он знал, что неправ. Знал, что Кристина любит его, по-своему, но любит. Что это просто игра, способ почувствовать себя желанной, способ заставить его ревновать, чтобы потом, в домике, всё было острее, горячее, безумнее.

Он знал это. И всё равно ненавидел.

Дима остановился, прикрыл глаза. Перед внутренним взором снова встала картина: Кристина у костра, поворачивается к Егору, поправляет волосы, смеется его односложным ответам. А Егор сидит как истукан, даже не смотрит на нее. И от этого еще хуже — потому что если бы смотрел, можно было бы злиться на него. А так злиться приходится только на нее. И на себя.

— Твою мать, — выдохнул Дима.

Он пошел дальше. Миновал свой домик, миновал домик, где жила та москвичка, Арина, и Тимофеев домик, и Егора. Остановился у края поляны, где начинался лес.

Лес стоял черный, плотный, непроницаемый. Дима смотрел в него и думал о том, что там, в этой темноте, наверное, вообще ничего не видно. Ни зги. А где-то там, дальше, горы, куда они отправятся завтра.

Странное дело — он совсем не боялся. Ни леса, ни темноты, ни гор. Не понимал этих разговоров про духов, про древние тайны. Чушь какая-то. Боялся он только одного: что Кристина посмотрит на кого-то другого так, как смотрит на него.

Я лежала в кровати и глядела в потолок.

Сон не шел. Мысли роились в голове, как мошки, не давая покоя. Она перебирала в памяти этот день — с самого утра, когда приехали Кристина с Димой, до вечера, до костра, до...

До Егора.

Я дотронулась пальцами до губ. Они все еще горели. Или казалось?

Этот поцелуй... Я не ожидала. Совсем. Он подошел бесшумно, как зверь, схватил за руку, а потом... потом это было. Жестко, быстро, отчаянно. Так не целуют просто потому, что захотелось. Так целуют, когда срывает крышу.

Зачем он это сделал? У него действительно с головой не в порядке? И стоит ли доверять такому проводнику?

Я перевернулась на бок, поджала ноги. Вспомнила его лицо в темноте — серьезное, хмурое, и глаза, в которых отражались звезды. И руки — сильные, шершавые, горячие.

— Дурак, — прошептала я.

Но почему-то на душе было тепло. И тревожно.

Потом вспомнился Баир. Старик с его прозрачными глазами. Тень. Тень за тобой. Откуда он знал про Виктора? Про то, что она бежит? Про обиду?

Я встала, прошлепала к куртке, которую небрежно бросила на тумбочку. Нашла в кармане оберег. Сжала в кулаке. Дерево чуть нагрелось, откликнулось на тепло.

— Катька, — шепнула я. — Если бы ты знала, куда я вляпалась.

И улыбнулась в темноте. Сама не зная чему. Потом включила ночник — с его тусклым светом как-то спокойнее — легла и, наконец, уснула.

Дима бродил уже долго. Ноги гудели, в голове шумело, но возвращаться в домик не хотелось. Там, внутри, было душно — не от воздуха, от мыслей.

Он вышел к реке, постоял на берегу, слушая, как вода несется по камням. Шум успокаивал, но ненадолго. Мысли снова возвращались к Кристине, к Егору, к этому проклятому вечеру.

Потом пошел обратно. Медленно, не торопясь, вглядываясь в темноту.

И вдруг замер.

На опушке леса, там, где кончалась поляна и начинались деревья, стоял человек.

Дима не сразу понял, что видит его. Слишком темно, слишком много теней. Но силуэт выделялся — темный, плотный, неподвижный. Стоял и смотрел прямо на Диму.

Дима замер. Сердце заколотилось где-то в горле.

Человек не двигался. Просто стоял и смотрел.

— Эй, — позвал Дима хрипло. — Ты кто?

Человек не ответил.

Дима сделал шаг вперед. Еще один.

Силуэт дрогнул, качнулся — и исчез. Просто растворился в темноте, будто его и не было.

Дима остановился. Вглядывался в лес, пытаясь разглядеть хоть что-то. Ничего. Только черные стволы и черные тени.

— Показалось, — сказал он вслух. Сказал, чтобы себя успокоить. Поэтому голос прозвучал глухо, неуверенно.

Наверное, показалось. Мало ли теней ночью? Мало ли веток, которые качаются? Нервы, просто нервы.

Дима выдохнул и пошел дальше, к домикам. Но на душе стало еще тревожнее.

Он прошел мимо своего домика. Нет, туда не хотелось. Не сейчас. Ноги сами понесли дальше, к домику, где жила Арина.

Дима сам не понял, зачем идет туда. Ноги несли, и все.

Он остановился у окна.

Занавеска была задернута неплотно — узкая щель, в которую видно кусочек комнаты. Дима прильнул к стеклу, затаил дыхание.

Внутри горел ночник — тусклый желтый свет. На кровати, лицом к окну, спала Арина. Она лежала на спине, одеяло сползло, открывая плечо и край майки. Майка была простая, белая, с тонкими лямками. Одна лямка сползла с плеча, открывая кожу.

Дима смотрел и не мог отвести взгляд.

Арина спала спокойно, дыхание было ровным, глубоким. Губы чуть приоткрыты, волосы разметались по подушке. Она была совсем не похожа на Кристину — темные волосы, неброское лицо, минимум косметики. Но в ней было что-то... настоящее, что ли. Не играет, не рисуется, не провоцирует.

Дима сглотнул. Дыхание участилось.

Он представил, как заходит внутрь. Как садится на край кровати. Как она просыпается, смотрит на него заспанными глазами, не понимает спросонья, а потом...

— Твою мать, — прошептал Дима и отшатнулся от окна.

Стыд обжег изнутри. Что он делает? Подглядывает за спящей девушкой, пока его собственная ждет его в постели? Кто он после этого?

Злость на себя была такой сильной, что захотелось ударить кулаком по стене. Он сдержался, только сжал кулаки до хруста.

— Придурок, — выдохнул он. — Просто придурок.

Он развернулся и пошел прочь от окна. И чуть не врезался в человека, стоящего прямо за спиной.

— Охренеть! — Дима отскочил.

Перед ним стоял Егор. Спокойный, неподвижный, смотрел в упор.

— Ты чего здесь делаешь? — выпалил Дима. Голос дрожал от неожиданности и злости.

— Хожу, — спокойно ответил Егор. — Территорию проверяю.

— Проверяет он, — Дима оглянулся на окно Арины, потом снова на Егора. — Следишь за мной?

— А ты делаешь что-то, из-за чего за тобой нужно следить?

Дима дернулся. Кулаки сжались сами собой.

— Слушай, проводник, — прошипел он, подходя ближе. — Ты мне не нравишься. Ты понял? И то, что Кристина...

Он чуть не сказал «вертит перед тобой своей задницей». Но это было бы просто феерически глупо.

Егор не двинулся с места. Даже бровью не повел.

— А я тут при чем? — спросил он все так же спокойно.

— При том, что ты на нее смотрел!

— Я на костер смотрел, — поправил Егор. — На твою девушку мне смотреть неинтересно.

— Врешь!

— Не вру.

Дима замахнулся — сам не понял, зачем. Кулак пошел в сторону Егора, но тот перехватил его на полпути. Легко, будто муху поймал. Сжал запястье — не больно, но крепко, так, что не вырваться.

— Слушай, — тихо сказал Егор, глядя Диме в глаза. — Я проводник. Моя работа — довести вас до пещеры и вернуть обратно. Мне плевать на твои разборки с твоей девушкой. Мне плевать, кто на кого смотрит. Ты понял?

— Пусти, — прохрипел Дима.

Егор разжал пальцы. Дима отшатнулся, потирая запястье.

— Кристина тебя дразнит, — продолжил Егор все так же спокойно. — Она видит, что ты ревнуешь, и дразнит. Потому что ей нравится, как ты потом сходишь с ума. Ты сам это знаешь.

Дима молчал. Знал. Знал, но слышать это от постороннего было вдвойне противно.

— И еще, — добавил Егор. — Ты думаешь, я не знаю, кто она такая?

— В смысле?

— Родители у нее богатые, да? Папа бизнесмен, мама тоже при деньгах. Они эту экспедицию спонсируют.

Дима уставился на него.

— Откуда ты...

— Тимофей рассказал, — перебил Егор. — Сказал, что без них денег бы не было. Что Кристину взяли, потому что папа попросил. Она здесь просто так, для галочки.

Дима молчал.

— Мне она не нужна, — Егор пожал плечами. — Мне деньги нужны за работу. А деньги будут, если экспедиция состоится. Если все вернутся целыми. Поэтому, — он посмотрел Диме прямо в глаза, — делай что хочешь, ревнуй сколько влезет, но чтобы без проблем. Понял?

Дима сглотнул.

— Понял.

— Иди спать, — Егор развернулся и пошел в сторону своего домика. — Завтра рано вставать.

Потом, когда он оказался, наконец, в кровати, то долго еще не мог уснуть — смотрел в потолок и вспоминал вкус губ. Арины Речная вода и что-то еще, далекое, городское, чужое.

Чужое. Она чужая. Из другого мира.

Но почему тогда сердце колотится так, будто он пробежал десяток километров?

— Дурак, — сказал Егор в темноту.

И закрыл глаза.

Дима остался стоять. Смотрел, как удаляется Егор, как его фигура растворяется в темноте. Потом перевел взгляд на окно Арины. Занавеска по-прежнему была неплотно задернута, но он заставил себя отвернуться.

— Черт, — прошептал он. — Черт, черт, черт.

Он пошел к своему домику. Там, внутри, ждала Кристина. Голая, под одеялом, ждала его.

Дима открыл дверь, вошел.

В комнате было темно, только лунный свет пробивался сквозь щель в занавеске. Кристина спала — отвернулась к стене, укрывшись одеялом до подбородка. Он видел только край плеча и светлые волосы на подушке.

Дима разделся, лег рядом. Придвинулся, обнял ее со спины. Она вздохнула во сне, пошевелилась, прижалась поплотнее.

— Димка, — пробормотала сонно. — Ты где был?

— Ходил, свежим воздухом дышал, — ответил он шепотом. — Спи.

— Мм...

Она затихла. Дима лежал, смотрел в потолок и думал о том, что сказал Егор. Про деньги, про спонсоров, про то, что она его дразнит.

Знал. Он все это знал.

Но легче не становилось.

Где-то вдалеке шумела река. Ночь тянулась медленно, и Дима все не мог уснуть — смотрел в темноту и слушал дыхание Кристины.

А на опушке леса, там, где он заметил темный силуэт, ветер качнул ветки. Или не ветер. Или кто-то все еще стоял там, глядя на домики немигающими глазами.

Но Дима этого уже не видел.

Глава 6. Путешествие начинается

Когда я проснулась, было еще темно. Я открыла глаза и первую секунду не понимала, где нахожусь. Деревянный потолок, запах сухой травы, за открытым окном орет птица — идиотским, залихватским голосом, будто над ухом включили будильник.

Потом все навалилось разом.

Вчерашний вечер. Костер. Старик Баир с его прозрачными глазами и словами про тень. А потом — река, темнота, и Егор, который...

Я зажмурилась и натянула одеяло до подбородка.

Губы все еще помнили. Глупость, конечно. Не могли помнить — прошло несколько часов, я их сто раз облизала, смочила водой, искусала от нервов. Но ощущение осталось. Сухие, обветренные, настойчивые. Его губы.

— Дура, — сказала я вслух.

Птица за окном заорала еще громче, будто соглашаясь.

Я села на кровати. Голова была тяжелой, словно я не спала, а мешки таскала. Посмотрела на часы — вот-вот будет пять. Тимофей сказал — отправляемся в шесть. Значит, надо вставать.

Я заставила себя подняться и умыться, натянула джинсы, футболку, сверху толстовку. Волосы собрала в хвост, глянула в зеркало. Мда... Бледная, под глазами — темные круги. Встречу черного шамана, он сам от меня убежит, решив, что я какой-нибудь дух из нижнего мира.

— Красавица, — сказала я своему отражению. — Прямо мисс Вселенная.

В дверь постучали.

— Арина! — голос Тимофея, бодрого как утренний диктор на радио. — Вставай! Завтрак, потом грузимся!

— Иду! — крикнула я.

Сунула ноги в кроссовки, положила в карман Катькин оберег — он теперь всегда будет со мной, я решила — и вышла.

Солнце поднималось над горами, и они стояли розовые, золотые, нереальные. Воздух был такой плотный и вкусный, что его хотелось жевать. Река шумела где-то внизу, и птицы орали уже хором, целым оркестром.

Я пошла к столовой. И на полпути увидела Егора.

Он стоял у крыльца и, нагнувшись, что-то проверял в рюкзаке. Спина широкая, волосы темные, чуть влажные после умывания. Футболка обтягивает плечи, и я снова поймала себя на том, что я не могу не смотреть на него.

Он обернулся.

Наши взгляды встретились ровно на секунду. Меньше чем на секунду.

Он отвел глаза первым. Отвернулся, будто меня не существует, и продолжил копаться в рюкзаке.

У меня внутри все перевернулось. Сначала — обида. Потом злость. Потом — непонятно что.

Отлично. Значит, вот так. Делаем вид, что ничего не было. Ну и пожалуйста. Я вообще не об этом думала. У меня Виктор, у меня проблемы, у меня жизнь в Москве. А это так, случайность. Глупая, дурацкая случайность.

Я прошла мимо него, не сказав ни слова.

В столовой уже накрывали завтрак. Тимофей сидел с блокнотом и что-то помечал на карте, Кристина красила губы перед маленьким зеркальцем, Дима хмуро пил чай. Я отметила, что блондинка из Новосибирска действительно сменила одежду на ту, что лучше подходит для экспедиции — серые брюки, светлая футболка без рисунка, легкая куртка.

— Арина, доброе утро! — Тимофей поднял голову и просиял. — Выспалась? Готова к приключениям?

— Ага, — буркнула я, садясь за стол.

— Сегодня великий день! — продолжил он, не замечая моего настроения. — Начинается настоящая экспедиция! Мы загружаемся в «буханку», едем сколько сможем, а потом пешком. В горы! По следам экспедиции семьдесят третьего года!

— Угу, — сказала я. Хотя, возможно, он рассчитывал, что я тут же запишу его историческую речь — на диктофон или карандашом в дневник.

Кристина захлопнула зеркальце и посмотрела на дверь, за которой только что скрылся Егор.

— А наш проводник сегодня какой-то неразговорчивый, — протянула она. — Прямо с утра загруженный. Не выспался, бедняжка?

Я промолчала. Дима дернулся, но тоже ничего не сказал.

— Егор — профессионал, — отрезал Тимофей. — Он знает, что делает. Давайте лучше поешьте, у нас плотный график.

Завтрак пролетел быстро. Каша, чай, бутерброды — я запихивала в себя еду и старалась ни о чем не думать. Получалось плохо.

— Арина, — Тимофей оторвался от своей тарелки и посмотрел на меня поверх очков. — Ты сегодня начнешь записи? Первый день экспедиции, всё-таки. Надо фиксировать.

Я кивнула. Вспомнил, все-таки. Я же здесь не просто так. Я — летописец. Человек, который должен задокументировать все это безумие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.